АЛЕКСАНДР ДЕМИДОВ

Квартет И

как создавался самый
смешной театр страны

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Один из основателей и постоянных участников театра Александр Демидов возвращается назад в безрассудные 90-е годы и с поразительной честностью делится своими воспоминаниями о том, как создавался самый смешной театр страны и что происходило в его закулисье. Динамичная и смешная, честная и эмоциональная книга, написанная в форме дневников. Только в «Квартере Я» читатель сможет познакомиться с легендарным театром лично и узнать о мыслях и чувствах ее участников. Текст книги Демидова получился не менее искрометным, чем сценарии пьес и фильмов квартета.

- Александр Демидов
  -
  -
  - Предисловие
  - Судьба или случай?
  - ГИТИС
  - Поступление
  - Общежитие
  - Картошка
  - Преподаватели
  - Студенты
  - Выживание
  - Обучение и становление театра
  - «Это только штампы»
  - Москва клубная
  - «Квартет» и футбол
  - По пути от «Штампов» к «Радио»
  - «День Радио»
  - «День Выборов»
  - «Быстрее, чем кролики»
  - «Разговор мужчин среднего возраста»
  - Нам 15 лет
  - «О чем говорят мужчины»
  - Дальше в кино
  - Вместо заключения
  -

Александр Демидов
Квартет Я. Как создавался самый смешной театр страны

© Текст, А. Демидов, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Предисловие

Идея написать книгу пришла ко мне, наверное, года три назад.

Я все не знал, как к ней подступиться. Оттягивал, ждал каких-то удобных моментов – отпуска или какого-то дачного пространства, где, обложившись книгами и фотографиями, наконец-то начну писать.

Но однажды я понял – это может продолжаться бесконечно. Всегда будет что-то мешать. Надо просто начать. Иначе книга так и останется идеей. А высказаться хочется. Да и пора – 7 ноября 2018 года мы отпраздновали 25-летие театра «Квартет И». Если прибавить к этому еще 5 лет института, получится, что мы знакомы уже 30 лет!

Надо сразу сказать, что «Квартет» – это не 4 человека. Это 5 человек: Ростислав Хаит, Леонид Барац, Камиль Ларин, я, Александр Демидов, а еще – Сергей Петрейков, наш главный режиссер.

Все мы поступили в 1988 году прошлого века на кафедру Шароева, факультет эстрадного искусства, на курс Владимира Сергеевича Коровина. Курс был актерско-режиссерский. Мы поступали как актеры, но потом Леша Барац перевелся на режиссуру – такое было возможно. А Сережа Петрейков

и поступал как режиссер, и диплом получил режиссерский в результате.

Каждый из нас сейчас выполняет в «Квартете» свою задачу. Слава, Леша и Сергей, как правило, вместе пишут пьесы и сценарии, выступают и в роли продюсеров наших фильмов. Мы с Камилем реализуем свои возможности как внутри нашего театра, так и вне его. Обо всем этом я подробно расскажу – и о том, как бывает трудно, как мы иногда ссоримся, и о том, как нам вместе легко и весело.

Итак, прошло 30 лет. Мы до сих пор вместе. И это главное.

Так что отбросим все сомнения и начнем.

Книга называется «Квартет Я». Конечно, это будет моя версия истории создания и развития театра «Квартет И», это будут мои ощущения и со стороны, и из глубины процесса.

Судьба или случай?

В ней рассказывается о творческих детях, которых свела судьба

Бывает в жизни редкое стечение обстоятельств, даже некая мистика, когда все словно само идет одно к одному. В нашей жизни такого было очень много.

Судьба? Случай?

История «Квартета» началась задолго до того, как мы все поступили на эстрадный факультет в 88-м году.

Начну с наших одесситов.

Слава и Леша проучились в одном классе 10 лет и вместе ходили в ШТЭМ – школьный театр эстрадных миниатюр под управлением старшего брата Славы – Евгения Хаита. Они были неординарными, заметными, эдакими «королями» в школе. Такими же они и остались: очень самоуверенными, очень, в хорошем смысле, наглыми, в любой момент готовыми к авантюре, игре.

Кроме того, Слава и Леша еще заядлые футболисты и болельщики. Они занимались в футбольной секции при ДЮСШ «Шторм», а потом – в «Одесском Черноморце». До сих пор они стараются играть в футбол хотя бы раз в неделю. Слава настолько разбирается в футболе, что ему можно задать любой вопрос, например: «86-й год, чемпионат мира – где он проходил? Какая команда стала чемпионом? Кто какие голы забил?» И он все расскажет – назовет страну, победителя и результат финального матча.

А Леша Барац еще закончил десятилетнюю джазовую музыкальную школу и прекрасно играет на фортепиано. У него бабушка тоже пианистка. Сейчас она живет в Америке. Я ее хорошо знаю. Я помню, еще учась в институте, мы приезжали к ним в Одессу. Прекрасная добродушная еврейская семья, маленькая тетя Нюся держала весь дом на себе – варила бесконечные супы, кормила всю семью, многочисленных родственников и гостей. А когда приезжали мы, кормила и нас, голодных студентов. Однажды мы как-то засиделись – уже все уставшие, уже выпили, поговорили, поиграли, попели, вроде пора и расходиться, время – часов 6 утра. И вдруг бабушка бодро говорит: «А пойдемте вниз – я вам поиграю что-нибудь на рояле». Неистощимой позитивной энергии женщина и неистощимого же остроумия.

Камиль после восьмого класса поступил в техникум и занимался в СТЭМе – студенческом театре миниатюр. Он

постоянно кого-то пародировал, от знакомых до известных персонажей, – до сих пор отлично изображает Новикова, Гарина, Милляра, Ливанова… Как смешно пошутили Иван Ургант и Саша Цекало, когда мы были у них в эфире, пародирует он в основном артистов, прославившихся до 46-го года. После СТЭМа Камиль пошел работать в Народный театр при Дворце профсоюзов, худруком и главным режиссером которого был Борис Павлович Естрин. Камиль играл в его спектаклях, что и послужило хорошей подготовкой для его поступления в театральный вуз. Камиль до сих пор благодарен Борису Павловичу, приезжает к нему, считает его своим учителем. А Борис Павлович, естественно, гордится своим учеником.

Она в Америке учила английский язык – ходила на курсы. И в какой-то момент начала уже все понимать, но говорила еще очень плохо. И вот подходит к ней человек, спрашивает по-английски, как пройти на такую-то улицу. Она все поняла, показала рукой в сторону этой улицы и очень уверенно ответила: «Тудэй, тудэй и тудэй».

Камилю надо себя завести. Например, перед каждым спектаклем он кричит, рассказывает какие-то истории, которые мы слышим уже 30 лет, повторяет одни и те же анекдоты, шутки, пародии… Это такое шоу в гримерке, к которому мы все уже давно привыкли и относимся к этому с улыбкой. При этом Камиль, в стотысячный раз делая одну и ту же пародию или показывая старую шутку, все равно всегда делает это по-новому и как-то отчаянно. В этом есть определенная трогательность и умиление.

Я с детства много кривлялся, был такой «мартышкой», любил петь. Помню папа в первый раз привел меня в цирк, и я обалдел от того, что увидел. Цирк на меня воздействовал магически.

Как Слава говорит: «Пятьдесят лет, а он все прыгает, надевая штанину…» – в общем, балуется. Но это очень здорово – баловаться в 50 лет.

Меня особенно поражали клоуны. И до сих пор эталоном творческой личности для меня является, конечно, Юрий Владимирович Никулин. Он и клоун, и директор цирка, и актер, сыгравший сначала во всех фильмах Гайдая этакого дурачка, а потом сумевший из этого образа выйти и сыграть в очень драматических картинах – «Когда деревья были большими», «Они сражались за родину», «20 дней без войны», «Чучело». Для меня

этот человек – грандиозная личность. Несколько лет я вынашиваю идею снять фильм про него, и, надеюсь, у меня это еще получится.

Посещения цирка для меня всегда были невероятной радостью, праздником. Я ждал этого очень. Потом, когда подросли мои сестры-двойняшки – Наташа и Лена, мы сами стали делать программы – читать стихи, петь песни, танцевать. Сестры очень смешно участвовали в моей программе. Например, я говорил:

– Выступает Наташа Демидова. Она споет нам песню про кого? Наташа, про кого?

– Про мишку.

– Ну давай, Наташа.

А она была еще очень маленькая, пела что-то бессвязное, но очень эмоциональное: «Мишка-а-а, мишка, мишка… был мишка… Он очень был мишка очень… И мишка потом пошел и нашел… Нашел он в лесу… Нашел он шишечку в лесу, мишка-а-а…»

Но я очень официально говорил: «Спасибо, Наташа. Вы послушали песню в исполнении Натальи Демидовой!»

В школе я делал агитбригады, новогодние огоньки, устраивал вечера «Что? Где? Когда?», собирал способных ребят, и мы читали юморески… Наши новогодние огоньки – это было вообще что-то особенное. Мы придумывали большой спектакль на сцене для всех старшеклассников, а потом у нас были такие комнаты-аттракционы – в одной всем раздавали мороженое пломбир, в другой показывали диафильмы или мультики на стене, в третьей все танцевали – была дискотека. Если директор школы, Лидия Сергеевна Моторина, заходила в класс и говорила: «Демидов, на выход», это означало, что нужно срочно что-то придумывать. Мы занимали даже какие-то места. Я, например, стал лауреатом литературного конкурса во Дворце пионеров, потому что подготовил очень интересный доклад по литературе. Еще я занимался в театральной студии при Дворце культуры «Красное знамя», мы ставили Блока, рассказы Шукшина.

Когда я приехал в ГИТИС в первый раз, я еще не закончил школу. Долго стоял у здания ГИТИСа – для меня это был какой-то храм. Я боялся открыть дверь. Но вдруг кто-то вышел:

На свои концерты я приглашал соседей и продавал билеты – по целому рублю иногда мне платили!

– Чего вы стоите? Вам надо узнать, как поступать

в Театральный?

– Да, – сказал я.

– Поднимитесь на второй этаж, вам там дадут памятку.

Я поднялся на второй этаж, и мне дали памятку. Там было написано, что нужно для того, чтобы поступить в институт. Маленький листочек машинописного текста стал для меня прямо какой-то молитвой. Я благоговел перед ним, хранил его, перечитывал.

Сережа Петрейков закончил школу в 16 лет. Он очень хорошо учился! После школы он поступил в училище киномехаников. Потом его забрали в армию, где, как легко догадаться, он киномехаником и работал, что упростило его службу.

С сентября 1983 по лето 1984 года он работал в Театре на Таганке – сначала курьером, а потом – помощником администратора. Он видел всех великих таганских актеров и актрис. Это было то время, когда Любимов не вернулся из-за границы, когда Андропов пришел к власти, но лежал в больнице, и решалась судьба Любимова – вернется он или нет. Когда Андропов умер, Любимов не вернулся, его убрали из художественных руководителей Театра на Таганке, а назначили Анатолия Эфроса.

Поработав в Театре на Таганке, Сережа вдруг получил повестку из прокуратуры. Он проигнорировал ее. Но когда пришла вторая, пришлось пойти. Тогда прокуратура набирала целевиков – они искали ребят, которые хорошо учились, хорошо закончили школу и уже отслужили в армии. В прокуратуре Сереже сказали, что ему нужно поступать в МГУ на юриста, чтобы в дальнейшем у них работать. И Сережа среди прочих таких же ребят поступил по их целевому направлению в МГУ на юридический факультет, но, побывав на картошке, где ему очень не понравилось, просто взял и ушел из института, где ему тоже очень не понравилось.

В общем, все мы, «квартетовцы», были творческими детьми, и в итоге судьба и случай, о которых я упоминал выше, привели нас в 1988 году к поступлению в ГИТИС.

Государственный институт театрального искусства имени Луначарского. 1988 год. Мы все поступили на курс Владимира Сергеевича Коровина на эстрадный факультет.

ГИТИС

В ней рассказывается о том, как я выкинул автомат, приехал в Москву и увидел Проханова

В Москве было и есть четыре основных театральных училища. Это училище имени Щукина («Щука»), училище имени Щепкина («Щепка»), знаменитый МХАТ и не менее знаменитый ГИТИС. Считалось, что самые сильные школы – это школа Щукинского училища при Театре Вахтангова и МХАТ. ГИТИС уже был на 3-м месте, на 4-м – «Щепка». А эстрадный факультет, хочу обратить внимание и отметить, – это был не то чтобы совсем отстой, но какое-то совсем уж последнее место.

Бытовало мнение, что эстрадный факультет – это что-то несерьезное, одни скоморохи, степисты, куплетисты, пантомимисты и конферансье. На самом деле, эстрадный факультет ГИТИСА, как и любой актерский, – разноплановый, серьезный, с системным глубоким образованием. Когда мы поступили, нам преподавали историю зарубежного и русского театра, историю музыки, у нас были танец, вокал, мастерство актера, сценическая речь. Нам очень повезло, что мы поступили на эстрадный факультет, на который набирали тогда, между прочим, раз в два года, и конкурс был 100 человек на место.

Тогда еще Советский Союз не развалился, был «Москонцерт», поэтому, закончив факультет эстрады, ты должен был работать именно артистом эстрады, например конферансье.

Кафедру эстрады создал Иоаким Георгиевич Шароев. Он был монстр и мэтр – один из режиссеров Олимпиады, постановщик Дней города, грандиозных всяких мероприятий, очень много поставил программ в концертном зале «Россия», которого сейчас уже нет. А наш мастер Коровин был поклонником Анатолия Эфроса. Эфрос работал по этюдному методу, то есть он раскрепощал актеров, давал им задания: «Давайте не просто выучим тексты, роли, а сыграем этюд на какую-то тему». И из этого этюда рождался образ, сцена, понимание, существование актера. Коровин обучение мастерству актера частично построил по его методике.

В то время набирали в ГИТИС такие педагоги, как Хейфец, Андреев, Фоменко – знаменитый Фоменко, который потом создал свой театр, гремевший какое-то время просто невероятно и до сих пор существующий. Я не знаю, как кто, но я поступал ко всем.

И мне повторяли одно: «Ты только после школы. Если мы тебя возьмем в институт, ты осенью уйдешь в армию». Соответственно, выпускников обычно старались не брать.

Из нас пятерых в армии отслужил только Сережа Петрейков.

Камиль был его ровесником, хоть и не был в армии – когда он проходил медкомиссию, у него обнаружили какое-то заболевание, поэтому от армии был освобожден. К счастью, в дальнейшем это заболевание у него не подтвердилось. Камиль приезжал поступать в Москву во второй раз. И решил, что это будет уже и последний.

Когда я поехал в Москву, со мной по дороге случилась смешная история. У меня есть друг и одноклассник, Олег Журавлев. Он закончил школу с золотой медалью и собирался поступать в Бауманский. Мы договорились ехать в Москву вместе – в три часа ночи мы должны были встретиться на станции.

И вот я, молодой мальчик после школы, в сером костюме, с дипломатом и с автоматом Калашникова, иду ночью по Московскому району города Рязани к станции. Это 88-й год. В Рязани в то время могло произойти одно убийство в год! И это уже была трагедия и жуть. Потом, в 90-х, начали косить ребят просто как траву, и убийств стало уже по 200 в год. Но в 88-м была еще спокойная обстановка. И я спокойно шел с этим автоматом и дипломатом.

У руководителя театральной студии, в которой я занимался, был друг в Москве, тоже режиссер. И мой руководитель, когда узнал, что я еду в Москву, попросил передать ему муляж автомата Калашникова. «Возьми, – говорит, – пожалуйста, для постановки спектакля. Вот тебе телефон – ты с ним свяжешься, передашь автомат». Я взял муляж. Действительно, похож он был на настоящий один в один.

Вдруг едет патрульная машина и видит меня. Они включают мигалку, вылетают с автоматами, кричат: «Стоять! Руки опустить! Лежать!» Я ничего не понимаю. Но потом до меня доходит, у меня же в руке – Калашников.

«Автомат положил! Отошел от него! Лежать!» – все дела, меня по полной программе взяли в оборот.

Я лег.

Говорю: «У меня папа – замначальника милиции Московского района – Сергей Васильевич Демидов». – «Да ты что? Ты кто ему?» – «Сын». – «Ты чего, офигел? Ты автомат несешь – тебя

примут везде. Ты с ума сошел? Выкидывай его на фиг!»

Потом ребята меня отпустили, конечно, посмеялись. Я прямо при них взял этот автомат и фиганул в кусты просто так со всего размаху и пошел дальше на станцию, где меня ждал мой одноклассник и друг Олег Журавлев.

Мы с ним сели в электричку и сразу уснули. А утром приехали в Москву.

Я вообще думал, что меня будет встречать оркестр. Мне казалось, что, когда я приеду, я обязательно увижу всех артистов прямо на улице – Абдулова, Леонова, – они же все живут в Москве и по улицам ходят.

Но нас с Олегом не встретили ни оркестр, ни известные артисты. Мы просто приехали на вокзал и пошли по своим делам.

Правда, потом одна встреча все же у меня случилась. Я шел в Валдайский гастроном напротив Дома книги, сейчас это Новый Арбат, и вдруг увидел артиста Сергея Проханова, который играл в фильмах «Усатый нянь» и «Завтрак на траве». Это была для меня звезда невероятная. И вдруг я вижу – он идет в кепочке. Мне так захотелось к нему подойти! Я очень долго за ним шел – спустился в переход, вышел из перехода, думал, надо подойти и спросить: «Извините, я Саша Демидов из Рязани. Я хочу очень поступить в театральный. Вы можете что-нибудь посоветовать?» Но я так и не подошел к нему. Но то, что я ожидал, случилось – я выкинул автомат, приехал в Москву и увидел Проханова. А дальше – пошел по институтам, поступать.

Говорят: «Москва слезам не верит. Москва не принимает. Москва город жесткий». Но она приняла нас. Приняла меня.

Я много раз думал, а что бы было, если бы этого не произошло? Если бы хоть один из нас пошел другой дорогой? Тем более что у всех был выбор.

Я, например, по природе – музыкант. Я записал три альбома и, может быть, перепутал двери, может быть, мне надо было поступать в Гнесинку. А Слава мог запросто стать футболистом. Да и Леша. Сейчас они уже ушли бы на пенсию, стали бы тренерами – спортсмены ведь играют лет до 40, а нам всем уже далеко за 40.

Сережа, не уйди он с юридического факультета МГУ, сделал бы карьеру юриста и работал бы в Генеральной прокуратуре. Камиль остался бы в Волгограде. Работал бы электриком, а параллельно – служил бы в Народном театре.

Но тем не менее все мы поступили и оказались вместе на одном курсе.

Поступление

В ней рассказывается о том, что Александр Сергеевич был Грибоедов, а Тургенев оказался Иваном Сергеевичем

Само поступление я помню довольно смутно.

Все мы были подготовлены, конечно.

Поступая в институт, абитуриент-актер должен был прочитать стихотворение, басню и какой-то прозаический отрывок. Члены комиссии могли попросить дополнительно что-то спеть, станцевать.

Не знаю, как был подготовлен и что читал Слава, но за него попросил сам Михаил Жванецкий, с которым дружил папа Славы. Папа у Славы, Валерий Исаакович Хаит, был легендарным капитаном команды КВН 1966/1967 года. Он был настоящим героем Одессы, даже получил двухкомнатную квартиру, в которой мы потом жили, когда приезжали в Одессу. Потом старший брат Славы, Евгений Хаит, участвовал в команде КВН «Одесские джентльмены», которая стала очень известной. Выходили они под музыку Владимира Дашкевича из кинофильма про Шерлока Холмса и доктора Ватсона, все с папочками и с белыми шарфиками. После этого «Одесские джентльмены» превратились в самостоятельный коллектив, художественным руководителем которого стал Валерий Исаакович Хаит, Славин папа. Они стали ездить с гастролями и объехали всю страну не один раз. Потом у них даже появилась передача на Первом канале «Джентльмен-шоу», достаточно рейтинговая – они были очень популярны. Слава по окончании института, если бы мы не затеяли нашу историю с театром, наверное, влился бы в коллектив «Одесских джентльменов», надел бы на себя белый шарфик и тоже бы выходил с папочкой и читал какие-то шутки.

Леша рассказывал, что его в Одессе подготовил некий педагог. Он читал Дениса Давыдова, отрывок из «Театрального романа» Булгакова и какие-то нежные стихи Цветаевой. Но вдруг выяснилось, что дальним родственником семьи Барац является Иосиф Райхельгауз. Сейчас это известный режиссер, у которого театр на Трубной площади. Так вот Иосиф Райхельгауз в то время работал в «Современнике», был молодым режиссером, и Лешин папа приехал к нему в Москву со своим сыном, Леонидом Барацем, который по паспорту Леонид, а так его все зовут Лешей. Лешин папа привез Райхельгаузу бутылку какого-то горячительного напитка и попросил, чтобы он послушал его сына. Райхельгауз послушал Лешину программу и сказал, что все это

никуда не годится, а нужно взять «Контрабандистов» Багрицкого – яркое и дерзкое стихотворение, где можно показать разнообразные эмоции, способности, таланты – там есть что играть. После этого он решил подвезти Лешу и Лешиного папу на своей машине. Но когда они проехали буквально пятьдесят метров, Райхельгауз увидел идущую по улице Марию Миронову. Был такой дуэт, Миронова и Менакер, если кто-то помнит. Миронова снималась в огромном количестве фильмов, была знаменитой актрисой и мамой гениального, невероятного Андрея Миронова. Увидев Марию Миронову, Райхельгауз попросил Лешиного папу и Лешу выйти из машины, посадил на их место Марию Миронову и укатил. Вот такая интересная история. Но финалом ее является то, что Леша поменял свой материал, и, благодаря Иосифу Райхельгаузу, читал Багрицкого, чем и заработал на мастерстве актера свою пятерку.

Так вот при поступлении в ГИТИС за Славу попросил сам Жванецкий. Он позвонил заведующему кафедрой эстрадного факультета, на который мы поступали, Иоакиму Георгиевичу Шароеву, и сказал: «Там будет мальчик по фамилии Хаит – обратите внимание». Вот на Хаита и обратили внимание.

Камиль приехал в Москву во второй раз, как я уже писал. Первый раз в 87-м году он не поступил. До этого в 84-м Камиль поступил в Саратовское Слоновское училище, которое закончили Владимир Конкин и Олег Янковский. Но тогда родители посчитали, что профессия актера – это что-то не очень серьезное. И он вернулся в Волгоград, где продолжил работать электриком в Волгоградских электрических сетях (ВЭС). И вот в 88-м он поступил в ГИТИС на эстрадный факультет.

Что же читал я? Я занимался в театральной студии до поступления в ГИТИС года три. Наш руководитель Александр Дмитриевич сказал мне очень определенно: «Поступить тебе нереально». Но я не послушал своего педагога и приехал в Москву.

Я выучил басню какую-то дурацкую, отрывок из прозы Шукшина и, главное, взял отрывок из поэмы Блока «Двенадцать», которую мы ставили в театральной студии. Представьте, мальчик-комсомолец в сером костюме, худенький, с копной волос на голове, читает на мастерстве актера отрывок из поэмы Блока «Двенадцать» на эстрадном факультете, где в основном читали Зощенко,

Аверченко. Эстрадный факультет – надо же что-то смешное читать. А я вышел и с выпученными глазами прочитал:

«Ох ты, горе-горькое, скука скучная, смертная!
Уж я времечко проведу, проведу,
Уж я темечко почешу, почешу,
Уж я семечки полущу, полущу,
Уж я ножичком полосну, полосну!
Ты лети, буржуй, воробушком –
Выпью кровушку за зазнобушку-чернобровушку.
Упокой, господи, душу раба Твоего.
Скучно-о!»

Я не понимал, что происходит. Комиссия упала под стол. Хохот стоял невероятный.

Мы все прошли три тура, и нас допустили к экзамену по мастерству актера.

Все поступление проходило в каком-то тумане. Всплывают в памяти отдельные картины – комиссия, какие-то люди сидят за столом: «Покажите животных. А покажите какие-нибудь автоматы…» Я показывал обезьяну и автомат по изготовлению бутербродов. Нас разбили на «десятки» – группы по десять человек. Лестница института была забита нервными людьми. Все стоят около списков, разговаривают, делятся информацией – кто куда поступил, кто где прошел, а как, а чего, который раз, что сейчас будет. Мандраж, волнение, тут же смех – истерический… Сейчас вспоминаю, состояние было такое, как будто я находился под каким-то допингом – голова немного не своя, и сам ты то ли здесь, то ли не здесь, что-то делаешь – то ли сам, то ли нет, словно видишь себя со стороны.

В общем, конечно же, это был огромный стресс. Большинство абитуриентов отсеялось. Оставшихся людей завели в класс, в ту комнату, где у нас потом проходило мастерство актера все пять лет и где проходили показы зимней и летней сессии, и дипломные спектакли, и старшекурсник зачитал фамилии тех, кто прошел конкурс и был допущен к следующим экзаменам.

Я не знал никого, был одиночкой, сидел в углу, нашел какую-то палочку, стучал ею по полу и ждал. Назвали какую-то фамилию, и вдруг раздалось: «О! Класс!» Это оказался Петя Изотов. Он был очень длинный. И он вдруг высоко подпрыгнул

и закричал: «Уа! Уа!»

Петя засмеялся. Я свою руку не дал. А может, она не захотела гадать, что со мной случится. В 92-м году на четвертом курсе Петя действительно разбился в аварии. А он был очень неплохой организатор – из него мог бы получиться хороший директор, продюсер. В 90-м он уже работал у Миши Хлебородова, тогда начали снимать первые клипы, в которых мы принимали участие и зарабатывали свои первые деньги. Старшекурсники нашего эстрадного факультета были основной компанией, которая снимала клипы Укупнику, Пугачевой, Игорю Николаеву, Саруханову, Преснякову, Богдану Титомиру и группе «Кар-Мэн».

И вот фамилии, фамилии, фамилии – одна, вторая. Я стучу палочкой. Напряжение огромное! Сижу, стучу и вдруг слышу: «Демидов». Я не подпрыгнул, я не закричал – я был обесточен. У меня не было эмоций, я просто тупо стучал палочкой, со мной происходило что-то невообразимое, то есть я не знал, как с этой эмоцией в таком возрасте быть, что с ней делать, куда бежать, кому звонить.

Потом, когда мы поехали в трудовой лагерь на картошку, он вместе со мной как-то шел по дороге. К нам подошла цыганка: «Хочешь, погадаю?» Она взяла его руку и сказала: «Ты разобьешься в аварии».

Нам тогда повезло. Началась перестройка, многое менялось не только в жизни страны, но и в образовании. Например, раньше обязательно нужно было сдавать экзамен по политэкономии. В том году этот экзамен отменили, так же как и историю. Нам оставалось пройти только коллоквиум и написать сочинение.

Итак, дальше был коллоквиум. После мастерства актера комиссия уже знала, каких студентов они возьмут на курс. Оставалось совсем немного человек, которых нужно было отсеять, но в основном курс был набран. Поэтому коллоквиум это был такой экзамен, где задавали иногда неожиданные, а иногда и примитивные вопросы. Например, Леше Барацу задали вопрос: «Откуда вы?» – «Я из Одессы», – сказал Леша. «И что там в Одессе? Как?» – «Ну, я жил и живу прямо напротив дома Утесова». В этом доме мы потом, будучи студентами, приезжая в Одессу, наслаждались невероятным гостеприимством Лешиной семьи, его бабушки, дедушки, мамы и папы. А в 90-е годы, если тебя кормили, это было самое главное. Мы очень часто работали за еду, потому что время было голодное. Потом Леша сел за рояль и что-то сыграл. Собственно, на этом вопросы закончились.

Комиссии было все понятно, а Леша уверенно шел на поступление.

Леша был в такой сетчатой белой рубашке, такой модненький, маленький, как его называла его бабушка: «Наш маленький французик». Леша меня поразил. После коллоквиума он вдруг подошел ко мне и сказал: «Рад тебя видеть. Как дела?» Для меня это были очень интеллигентные, непривычные слова. Город, из которого я приехал, был не очень приветлив.

Камиля тоже спросили на коллоквиуме, из какого он города. Он сказал, что он из Волгограда. «И что в Волгограде происходит?» – спросили его. «Ну что? В Волгограде скоро будет юбилей города». – «А как назывался Волгоград раньше?» – спросили его. Камиль был подготовлен в этом смысле: он сказал, что Волгоград раньше назывался Сталинград, а еще раньше – Царицын, и скоро Волгограду будет четыреста лет, в 89-м году. Комиссия была довольна такими познаниями, и дальше Камиля попросили «ловить мысли». Он ловил мысли, говорил, что кто чувствует, а потом подошел к Иоакиму Георгиевичу Шароеву, поводил над ним своими руками и сказал: «Вот здесь вот мыслей нет. Хотя нет, есть одна: этот парень, наверное, может поступить». В общем, пролоббировал себя. И эта даже не наглость, а уверенность в себе, она тоже сыграла свою роль.

Меня спросили: «Как вас зовут?» Я говорю: «Александр Сергеевич Демидов». – «А кто еще был Александр Сергеевич?» – «Пушкин». – «А кто еще?» – «Кто еще? Кто…» – и они начинают подсказывать, вся комиссия начинает подсказывать: «Ну, вспомните, ну, Александр! Ну, кто еще Александр Сергеич? Он был другом Пушкина…» Я говорю: «Да, да, да, знаю…» – «Он написал еще произведение известное – вспомните. Дипломатом был», – вся комиссия подсказывает, вытягивает – соберись, дурачок, мы же даем тебе шанс. – «Дипломат, «Горе от ума» написал, ну? Кто это?» Я говорю: «Тургенев». В общем, здесь вся комиссия опять упала под стол – как после Блока, потому что Александр Сергеевич был Грибоедов, а Тургенев был Иван Сергеевич. И вот, прочитав Блока и перепутав Грибоедова с Тургеневым, я и за мастерство, и за коллоквиум получил пятерки.

ЦЕНТР plus

Общежитие

В ней рассказывается о трех литрах пива, пачке сигарет и о том, как Камиль не стал виноделом

Слава с Лешей первый год снимали квартиру где-то на Преображенке, где жил Владимир Сергеевич Коровин. Они были нашими двумя засланными казачками – после мастерства актера, а это был наш основной предмет, мы с Камилем ехали в общежитие, остальные студенты разбегались по своим домам, а ребята, Слава и Леша, по дороге домой в метро обсуждали итоги текущего дня и футбол, страстным поклонником которого был Владимир Сергеевич, кто как работал в этюде, кто сильнее, кто слабее. И, естественно, вся эта информация доходила до нас, и мы уже как-то корректировали свое дальнейшее обучение: подтянуться нам или, наоборот, расслабиться и порадоваться, что мастер похвалил нас.

Жизнь в общежитии была неотъемлемой частью жизни института. В общежитии, в эстрадном отсеке, старшекурсники наши, как я уже писал, стали снимать клипы. Там был Игорь Песоцкий, он стал мужем Марты Могилевской, а Марта Могилевская была главным редактором «Утренней почты». Именно она стала первая снимать клипы, режиссерами которых стали наши старшекурсники.

Общежитие, студенты – естественно, все это было сдобрено огромным количеством алкоголя, все курили, что-то придумывали. Старшекурсник один у нас, я помню, обожавший Высоцкого, постоянно стоял в углу, около батареи, это было его любимое место, с папиросой в зубах, что-то такое пел, подражая Высоцкому: «Ах, чудаки, ах, эти чудаки! Руками их вращается планета!» или: «А я на барабане лабаю, лабаю. А я на барабане и Моцарта могу…» Все что-то писали, снимали, спорили, происходили соития душ, тел, выпивание водки и коньяка.

Наверное, первые год-два мы не осознавали, что мы – студенты, что живем в этом легендарном общежитии, где, например, в 307-й комнате жил Леша, ухаживая за Аней Касаткиной, а там же, в свое время, жил Олег Даль. Вообще, там было поверье такое, легенда, что это общежитие стоит на еврейском кладбище – там летали вилки, девочки порой выбегали из своих комнат и говорили, что им под кроватью стучат барабашки, не знаю, было так или не было, но что-то такое я тоже слышал и ощущал.

Общежитие ГИТИСа на Трифоновской, 45 Б, станция метро «Рижская». Мы возвращались всегда поздно и шли от «Рижской»

до Трифоновки прямо через Рижский вокзал. На вокзале можно было купить спиртное. А я какое-то время, так как денег не хватало, устроился работать «МУМом» – машинистом уборочных машин. Где-то, наверное, полгода мыл станцию метро «Рижская». Я был помощником у женщины, которая работала за квартиру – ей должны были дать квартиру где-то на окраине Москвы, она была нерусская, поила меня чаем, кормила плюшками. Все это было трогательно.

Какой замечательный кофе в своей турке готовил Андроник, наш однокурсник! Он жил через две комнаты от нас с Камилем. Просыпаясь утром, первое, что он делал, – вставлял в зубы сигарету, потом выходил, кричал: «Сашко!» (он называл меня Сашко) – и если я просыпался и выходил, он говорил: «Кофэ будешь?» Я, конечно же, соглашался и ждал этот потрясающий кофе, который он готовил в турке. Там как раз хватало на две, максимум на три чашки.

Таким образом в метро я заработал на свои первые джинсы – левайсы, не знаю, были они паленые или настоящие, но я их протаскал очень долго. Весил я тогда, наверное, килограммов 67–70.

Камиль устроился работать на почту. Для того чтобы там работать, надо было вставать очень рано. Камиль ставил огромный будильник, который он привез из Волгограда, просыпался и будил меня. Я выбрал работу лучше – я приходил ночью и ложился спать, а потом либо просыпал какие-то лекции, либо едва успевал на них. А Камилю приходилось вставать до лекций, в шесть утра, и бежать до семи-восьми разносить корреспонденцию. У нас в комнате была его кровать, шкаф, который перегораживал эту комнатку на две половинки, и моя кровать, я еще себе сделал зеленую занавеску, чтобы пространство создать свое энергетическое. Порой утром я слышал, как трезвонил на всю ивановскую этот будильник, Камиль нажимал на него, чтобы поспать еще пять минут, и, естественно, просыпал. Все закончилось тем, что он договорился с одним почтовиком, что тот будет за него разносить эту почту, а Камиль будет ему отстегивать из своей маленькой зарплаты какую-то часть.

Я мыл станцию метро «Рижская» после того, как она закрывалась, отключалось электричество, по рельсам шли люди, проверяли каждую шпалу. И совсем поздно, часикам к трем утра, я возвращался

домой. У меня была клетчатая кепочка и клетчатые брючки, которые мне мама сшила в Рязани, и рубашечка.

Если открыть окна женского туалета нараспашку, а они никогда на зиму, да и вообще во все времена года ничем не заклеивались, то можно было увидеть пожарную лестницу, которая примыкала прямо к окнам женских туалетов всех этажей, начиная со второго и кончая пятым. Я рассказываю про наш третий этаж. Через эти окна по пожарной лестнице, когда закрывалось общежитие и уже никого не впускали, можно было спокойно пролезть, немножечко держась за эту пожарную лестницу, поставить ногу на подоконник, а там тебе уже давали руку, и ты спокойно попадал в это чудесное бурлящее общежитие. Попадали туда студенты, которые опоздали и задержались – в институте или где-то еще. Попадали туда просто люди, не имеющие отношения к ГИТИСу.

Вот такая пожарная лестница. С ней еще связано то, что мы с Лешей открыли барчик.

К нам зашел осетин и сказал: «Чего вы сидите? Возьмите, сбросьтесь со стипендии, купите себе пару бутылок коньяка и сделайте себе барчик. Вот у меня именно так. У меня стоят на полке разные напитки. Я прихожу после института, рюмочку себе наливаю, и все. У меня початая бутылочка стоит, у меня их несколько, и я могу угостить друга». Дальше он ушел и через какое-то время я сколотил полочку у себя в 310-й комнате, даже сделал занавеску. Мы сбросились с Лешей и купили коньяк, который пах клопами, азербайджанский, стоил он 13.80 – практически это третья часть стипендии. Мы купили две бутылочки, поставили в этот барчик, закрыли занавесочкой и, собственно, сидим, смотрим на это все. И сразу пришла идея, а почему бы этот барчик не открыть – мы же его для этого и делали. Взяли бутылку коньяка и начали немножечко выпивать, но не смогли остановиться и выпили всю бутылку. Мы были еще молодые, и бутылки коньяка, конечно же, было достаточно, чтобы мы превратились в настоящих гусаров. Глядя на вторую бутылку, Леша спросил: «А что бутылка стоит просто так? Она должна быть початая. Как в барчике: ты открываешь бутылку, она уже початая и продолжает стоять». Мы почали и эту бутылку. И почали ее до конца. Таким образом, наш барчик просуществовал ровно один вечер. А мы с Лешей решили прогуляться.

К нам зашел осетин. Мы сидели грустные. В студенческие времена хотелось чего? Всегда

хотелось есть, всегда хотелось заниматься сексом – мы были молодые и горячие, и всегда хотелось выпить. Денег было мало, и поэтому я еще много чего расскажу о том, как мы пытались заработать на пропитание и выпивание.

Сначала Леша прыгнул с подоконника, зацепившись за лестницу где-то на уровне второго этажа, слава богу, внизу было очень много снега, и потом он плюхнулся в снег. Через какое-то время то же самое проделал я, лихо прыгнув с подоконника. Не просто аккуратно, пытаясь с подоконника достать пожарную лестницу, – я на нее просто прыгнул, прыгнул где-то уже Леше на плечи. Дальше был снег. Мы довольные, разгоряченные выполнили свою миссию – мы обошли общежитие вокруг. Но нам почему-то не захотелось возвращаться обратно по лестнице. Мы долго стучались в общежитие, нас пустили, к счастью. Вот на этом закончилась наша история с барчиком и наша ночная прогулка.

Общежитие было закрыто. Нам было прекрасно и здорово. Студенческое опьянение – его уже не вернуть, так уже пить нельзя, так уже пить не получится никогда, а тогда у нас были молодые организмы. И вот, наполненные двумя бутылками коньяка, мы оделись и решили выйти через женский туалет, который находился напротив моей 310-й комнаты. Мы оделись, зашли в женский туалет, открыли окна. Дальше – пьяного Бог бережет.

После третьяго курса я жил в однокомнатной «коммунальной квартире», если так можно сказать, достаточно большой, потому что Камиль женился и я остался в комнате один.

У всех моих однокурсников уже был какой-то опыт с женщинами, у меня, конечно, тоже, но не самый большой. Это было время перестройки, страна менялась стремительно, разваливался Советский Союз, но еще не разрушились какие-то человеческие ценности и рамки отношений. Тогда ведь очень важно было – мужчина ты или не мужчина, были у тебя отношения с женщинами или нет. Сейчас изменилось многое в отношениях между мужчинами и женщинами, сейчас все посвободнее. А тогда все было совсем иначе.

И отношение у меня такое было наивное и чистое: ой, девушка в институт приехала, и она еще девочка. А потом смотрю – она уже в институте то с одним, то с другим – это как-то нехорошо. Или, наоборот, вдруг ты узнавал, что твоя подруга,

оказывается, не девственница – ну как это? У меня тогда это вызывало оторопь. Понятно, во все времена были разные нравы и разные мужчины и женщины, но все-таки. Я еще долго сохранял какое-то благородное, уважительное отношение к девушкам – это не значит, что его нет сейчас среди сегодняшних молодых людей. Но тогда у меня оно было более трепетным, чистым, я бы так сказал.

Я, например, с восьми лет пошел в школу и поступил в институт, когда мне было восемнадцать, и я еще был девственником. Это не значит, что я ни с кем не целовался, не обнимался, но у меня не было еще женщины. А Камиль уже был опытный, Слава с Лешей тоже.

И еще у нас палатка была пивная недалеко от общаги – там продавали пиво, по шестьдесят копеек литр. У меня оставались трехлитровые банки из-под маминых огурцов и помидоров, которые я потом обязательно должен был привезти в Рязань, а потом в деревню, потому что банки – это был дефицит, и мама у меня всегда относилась к ним требовательно. Но пока они копились до своего отъезда домой, чтобы наполниться очередными соленьями, мы эти банки использовали под пиво. Естественно, не каждый день, но иногда мы либо вместе шли, либо я шел один и покупал две банки, дожидался Камиля, и это было проявление такого нашего общежитского с ним братства. Мы это пиво потихонечку с какой-нибудь соленой рыбкой выпивали. Пиво было разбавленное чуть-чуть, но трех литров немного разбавленного пива было достаточно, чтобы стать сантиметров на 40 выше, потому что после такого студенческого опьянения ты немножко вырастал как будто. Особенно это чувствовалось, когда ты сидишь, сидишь, потом встаешь и идешь, например, в туалет. Дойдя до туалета, ты понимал, что ты, во-первых, сантиметров на 40 выше, и во-вторых, что мир прекрасен. И ты прямо такой высокий – не метр восемьдесят шесть, а где-нибудь два десять, баскетболист практически.

Камиль был постарше и поопытнее, до его женитьбы мы жили с ним прекрасно – жарили картошку, ели соленые огурцы. Нам присылали посылки. Никогда не забуду горчичное масло, которое делалось только в Волгограде. В каждом городе есть что-то особенное, свое: где-то квас, где-то пряники, а в Волгограде – горчичное масло. Что могло быть тогда вкуснее рязанской картошки

на Волгоградском горчичном масле с рязанскими солеными огурцами и помидорами моей мамы?

Три литра пива – рубль восемьдесят, плюс сорок копеек стоила пачка сигарет «Вега» – на два двадцать можно было хорошенечко посидеть, а потом почувствовать себя баскетболистом.

Однажды я купил кота. И почему-то назвал его Мариком… Еврейское имя. Почему? У нас сейчас с женой кот, кстати, тоже Марик, британец, и он назван в честь того кота первокурсного студенческого.

Это был невероятный кот. Он прожил у нас где-то полгода, потому что дальше Камиль попросил его увезти. Во-первых, котейка Марик просыпался очень рано и начинал носиться по нашей комнате, мешая нам спать. Плюс тогда не было никаких наполнителей, и появлялись запахи.

Я отвез его к родителям, и он стал любимым котом моего отца и вообще моей семьи в Рязани. Он прожил долго, больше десяти лет точно. Кот был красавец – черный с белой грудкой, очень умный.

Была одна смешная история, которую, конечно, надо было бы рассказать на каком-нибудь серьезном юбилее Камиля. Но я не выдержал и рассказал ему через пару лет.

Мои родители присылали нам еду – картошку, огурцы, помидоры, всякие соленья, лечо, морковку, варенья очень много было. Мы ночами сидели, говорили об искусстве и пили чай с вареньем. Леше со Славой из Одессы тоже регулярно присылали что-то вкусное с Привоза и приготовленное дома. А Камилю – горчичное масло и колбасу. И как-то ему прислали тоже варенье, по-моему, абрикосовое. Оно немножко забродило. Тогда Камиль купил дрожжи и говорит: «Чего пропадать добру?» Он взял трехлитровую банку, высыпал туда эти абрикосы, налил водички и кинул туда дрожжей, натянул на горлышко банки резиновую перчатку и уехал к своей жене. Это уже было в период, когда он со мной не жил, но иногда наведывался в общежитие.

Мы жили в Рязани на седьмом этаже, так он просился гулять, ему открывали дверь, он шел на улицу, а потом возвращался и сидел около лифта. Все знали, что ему надо на седьмой этаж, и подвозили его домой.

Мой одноклассник Олег Журавлев, с которым мы приехали в Москву поступать, он поступил в Бауманский университет, а я – в ГИТИС.

Олег часто приезжал ко мне в общежитие в гости и даже оставался ночевать, спал он на кровати Камиля. Камиль, когда возвращался и видел, что на его кровати кто-то спал, как в сказке про Машу и медведей сурово спрашивал: «Кто спал на моей кровати?»

Когда Олег приезжал, нам все время, как я уже писал, хотелось секса, поесть и выпить. А когда сигарет не было, мы стреляли их у старшекурсников, чем, конечно, их очень раздражали. Было еще то время, когда табак вообще пропал, сигареты продавали по талонам, и были даже табачные бунты. Люди бычки собирали по Москве, продавали на рынке банки с окурками. Сейчас это чудовищно звучит и представить себе это странно. Однажды мы с Олегом побежали на улицу, потому что в общаге не у кого уже было стрелять. И вдруг нам встретился иностранец, который легко угостил нас сигаретами «Мальборо». Мы обалдели и попросили еще по одной, взяли их, прибежали к себе, закрыли дверь, чуть ли не выключили свет и закурили. Они были такие вкусные! Ни с чем их было не сравнить.

Один раз Олег у меня остался, открывает одеяло, а там записка: «Убедительная просьба: на моей кровати не спать. Камиль».

Возвращаясь к истории про забродившее варенье Камиля, когда ко мне опять пришел Олег, он с порога спросил:

– Выпить есть что?

– Нет.

– А чего это там под кроватью стоит?

– Да это Камиль какую-то брагу решил сделать.

– Ну-ка, ну-ка… – потянул Олег и вытащил эту трехлитровую банку из-под кровати.

А резиновая перчатка уже надута до предела, то есть клиент готов – все уже забродило и дало градусы, это уже можно было употреблять.

Я как-то оробел:

– Что, прям можно?

– Да, конечно, смотри – перчатка надута.

– Но как-то неудобно…

– Чего неудобно? Мы по чуть-чуть. Тут же целая трехлитровая банка – Камиль и не заметит.

Мы открываем – действительно, попахивает достаточно алкоголически. Я говорю:

– И как мы ее будем пить? Там же абрикосы плавают.

– Нужна марля.

Через мой платок мы нацедили себе по полстакана. Решили, что больше будет уже некрасиво. Натянули резиновую перчатку обратно, а платок выбросили в грязное помойное ведро. И мы выпили.

На первый взгляд показалось, что выпили мы что-то такое крепленькое, но не очень-то и крепкое. Но на самом деле нас шарахнуло от души. Еще и закуски у нас никакой не было. Мы закурили еще по сигаретке, и мир стал гораздо теплее, приятнее во всех смыслах.

Дальше мы решили выпить еще по стакану. Я достал свой платок из грязного помойного ведра, быстро сбегал его постирал, и мы нацедили себе еще. На этот раз мы уж точно решили, что все – больше не будем, потому что это некрасиво как-то, и Камиль может заметить. Выбросили платок снова в то же ведро. Но довольно быстро опять достали, постирали еще раз и нацедили еще. И выпили еще по стакану.

Но теперь уж дали себе честное слово, а потом и друг перед другом поклялись прямо на этом моем платке, что больше не будем. Снова выбросили платок в ведро, где уже образовалось довольно много абрикосовой жижи.

Но марли у меня никакой не было. Зато был носовой платок. Даже два. Время было такое – еще люди писали друг другу письма, носили при себе носовые платки… Теперь уже ничего этого нет – ни платков, ни писем, ни даже девственности. И сигаретами «Мальборо» никого не удивишь.

Нам стало так хорошо! Это уже был этап, когда стало не просто хорошо, а прямо здорово. Дальше я помню, что я уже не стирал свой платок.

Проснувшись утром, мы поняли, что брага выпита до дна. И хоть вечер накануне был прекрасным, нам с Олегом стало неудобно.

Решение было очень простым. Мы налили в оставшуюся абрикосовую жижу прямо из горячего чайника воды, надели снова перчатку, и разбежались по институтам.

Когда пришел Камиль, он заглянул под кровать и увидел всю эту картину. Я сделал вид, что тоже очень удивлен. Камиль сокрушался, думал, что мало бросил дрожжей, вылил всю эту муть в унитаз и сильно жалел, что ничего не вышло.

История забылась.

Но через какое-то время я не выдержал и все Камилю рассказал. Он очень смеялся. Может, мне надо было сделать так, чтобы прокисло какое-то мое варенье, купить дрожжей, сделать

брагу и проставиться?.. Вообще, конечно, надо было бы потянуть до какого-нибудь юбилея и принести ему такую трехлитровую банку абрикосовой браги. Теперь Камиль, вспоминая эту историю, часто говорит, что мы с Олегом убили в нем винодела.

Картошка

В ней рассказывается о том, как я упал с Ленина

Когда мы поступили в институт, мы получили студенческие билеты и уже являлись полноправными студентами со стипендиями. Нас, как и любых студентов, ожидала поездка на картошку. Мы, правда, собирали там не только картошку, но и свеклу, морковь – ботву отделяли от овощей. Нас отправили в трудовой лагерь, весь курс. Кто-то взял какие-то справки и не поехал, но основная команда нашего курса попала на эту картошку.

Когда мы туда прибыли вместе со студентами старших курсов – мы и отделение Музыкального театра, – нас поселили в помещении с разбитыми стеклами. Это был пионерский лагерь – то ли он был заброшенный, то ли это было осенью уже и детишки там не жили. Я помню, что на маленькой центральной площади этого лагеря стоял Владимир Ильич Ленин, но он стоял в такой странной позе – в позе оперного певца: не просто указывал путь к коммунизму, а его немножечко открытый рот, взмах руки и весь его вид показывали, что он сейчас будет исполнять оперную арию.

В комнате мы распределились так: я, Слава, Леша и Петя, а Камиль жил в другой комнате. И дружба наша как-то сразу сформировалась. Компания была веселая – ну, а как она может быть не веселая? Молодость, ГИТИС, мы еще не учимся, а просто валяем дурака и, естественно, не усердствуем в выполнении планов по повышению сбора урожая и помощи сельскому хозяйству нашей страны.

Потом, когда Игорь ушел, мы решили ему отомстить и устроили конкурс на самую страшную морду. Победил я. И вот представьте: мы крадемся тайком к окнам студентов-старшекурсников Музыкального театра, вокруг, как в фильме ужасов, тишина, за окном сидят студенты, играют то ли в карты, то ли в шахматы, идет тихая, непринужденная беседа. Ребята прячутся недалеко от меня, а я надеваю на себя кофту или куртку, большая копна волос, я скукоживаю физиономию в ту гримасу ужаса, благодаря которой я выиграл конкурс, стучу в окно… Жуткий крик! Тоже все летит в разные стороны. А мы уже несемся к себе в комнату и влетаем под одеяла. Забегают взволнованные студенты, кто-то из них даже немного дрожит, у кого-то в руке палка, они возбуждены: «Так, ребята! Только честно ск-к-каж-ж-ите, эт-то вы? В-в-аш лохма-т-тый н-нас н-напу-

гал?» Ребята как ни в чем не бывало отвечают: «Нет, мы вообще ничего не знаем…»

Нас еще напугали старшекурсники, а они были не первый год, что по лагерю, который стоял в лесу, ходит некий Шульц, который насилует своих жертв, а потом расчленяет их. Мы в эту версию поверили, нам рассказал ее старшекурсник Игорь Бурланков. Мы лежим на кроватях, за нами окна – не зашторенные, не занавешенные ничем, только что Игорь Бурланков нам рассказал историю про Шульца, страшного маньяка этих окрестностей. И Камиль, который стоял у двери, говорит: «Ребята, только тихо. Осторожно. Не смотрите в окно». Леша говорит: «Я не буду смотреть», – закрывается одеялом. Я тоже, по-моему, пытаюсь не смотреть. Дальше вроде бы все-таки я, Слава и Петя повернулись, чтобы посмотреть, что же в окне. А у Пети была только что открытая банка шпрот. И тут – крик жуткий, все эти шпроты летят на мою кровать, потому что мы видим страшную рожу в окне. Это Игорь Бурланков обежал корпус с другой стороны, напялил на себя черные очки и поверх натянул на себя джинсовую куртку. Зрелище было страшное, мы заорали, как ошпаренные. Но потом все-таки поняли, что это не Шульц, а Игорь, и нас сегодня не изнасилуют и не расчленят.

Старшекурсники ушли, а нам показалось, что этого мало. Мы захотели так же разыграть еще кого-нибудь. Например, нашего однокурсника Андроника Ерицяна.

Андроник жил на втором этаже и в это время уже, по нашей версии, должен был спать. Мы устроили человеческую лестницу – залезли друг на друга, я полез на самый верх – по одному человеку, по второму, долезаю до окна второго этажа, стучусь в него, шатаясь на плечах тех, кто держит меня внизу, и пытаюсь скорчить рожу. Но никто не пугается, а из темноты я вдруг слышу совершенно спокойный армянский голос: «Эй, Сашко! Задолбал. Иди на хер». Мы чуть не грохнулись от смеха на землю и вернулись к себе.

Однажды после трудового рабочего картофельно-морковно-свекольного дня мы решили устроить праздник, а именно – выпить. Была придумана целая история. Гонцами за спиртным в деревню были выбраны Леша Барац и Камиль. После завершения работы в поле мы должны были возвращаться

в лагерь на автобусе. Все сделали вид, что все студенты в сборе, а Камиль и Леша тем временем спрятались где-то среди гор свекольно-морковной ботвы. Когда автобус со всеми студентами уехал, ребята направились в ближайший магазин и закупили бутылок двенадцать или пятнадцать имбирной настойки.

Имбирная настойка – это, конечно, убийственная вещь. Тем более для людей неопытных, как я. Пока Камиль и Леша добирались до лагеря, прошло какое-то время. Так уж вышло, что, только мы разлили по стаканам настойку, нас позвали на общее собрание, которое должно было начаться минут через 20 в актовом зале. Подобные сборы регулярно проходили у нас там, чтобы наметить планы, поругать или похвалить кого-то. Нам предстояло за 20 минут быстро выпить. Мне налили полстакана этой имбирной настойки, все чокнулись и выпили. И как-то первый раз выпилось очень легко – с легким искривлением лица, но мы же мужики, мы все уже взрослые. Тут же из-за спешки всем разлили по второй, мы тут же снова выпили… и пошли на собрание.

Собрание я помню плохо. Я очень много смеялся. По-моему, без всякого повода. Не знаю, что делали остальные – я как-то выпал из общего процесса и не наблюдал за другими. Помню только, как прекрасно было мне.

Главное – было очень весело. Например, мы с Лешей Барацем пошли гулять. Мы хохотали, пили эту настойку прямо из горла и почему-то бегали вокруг памятника Ленину. А потом, когда я вдруг остался один, мне пришла свежая идея залезть на памятник, а именно – на его руку. Что еще может прийти в голову молодому студенту, которому очень хорошо? Залезть на руку к Владимиру Ильичу и оттуда вместе с ним спеть оперную арию – это было логично и естественно.

Поднявшись, я вдруг понял, что один, и решил все-таки вернуться в корпус. Главное, о чем я думал, – это как пройти по лагерю непринужденно и прямо, не пошатываясь, улыбаясь всем встречным. Мне казалось, что я так и делал. К счастью, меня никто из преподавателей не встретил. Мы ездили тогда не с основным педсоставом, а только с физруком и еще кем-то. По дороге в корпус я никого не встретил и знать не знал, что у меня все лицо в крови.

А имбирная настойка в кровь всасывается мгновенно.

Уже поднимаясь на второй этаж, я понял, как ноги мои становятся ватными, жизнь приобретает

какой-то невероятный объемный смысл и «становится прекрасна и безумно хороша». Ощущение было для меня совершенно новое и необычное.

С Ленина я упал. Отчетливо помню соприкосновение моего лица с асфальтом, естественно, без всякой боли – анестезия была хорошая.

Когда я вошел в комнату, все бросились ко мне с вопросами, что со мной произошло? И я почему-то сказал, что меня побил Андроник. Почему Андроник? Ничего он мне не сделал – зачем я про него это наплел? То ли мне показалось малоинтересным сказать, что я просто упал, то ли мне было стыдно, что я сам разбил себе лицо, и надо было на кого-то это спихнуть. Версия, что тебя побили, выглядела трагичнее и убедительнее.

Все побежали к Андронику:

– За что ты Димедрола побил?

У меня еще со школы кличка была Димедрол.

Но Андроник спокойно, как всегда, ответил, что он меня не бил и вообще пальцем не трогал и даже не видел. Тогда все вернулись ко мне и стали допытываться, кто меня побил на самом деле. Зачем-то я перевел стрелки на Максима Сытника. Это был студент Музыкального театра, только что вернувшийся из армии, накачанный, в гимнастерке, красивый очень! Когда он пел песни, все девушки на него заглядывались. Но дело было не в этом, а в том, что, если уж не грозный, худой армянин меня побил, значит, уж точно этот здоровый парень.

Когда все прибежали к Максиму, он удивился еще больше Андроника и сказал, что бить первокурсников – это не по-братски.

В общем, дальше я уснул.

Очнулся я утром, но не в своей комнате, а в туалете. Первое, что я увидел, были золотые зубы, которые чистил себе какой-то старшекурсник. Я прибежал в комнату: «Как же вы могли? Зачем же вы так?» Ребята решили так надо мной подшутить. От меня сильно разило спиртным и тем, что бывает, когда переберешь.

На картошке было хорошо. Днем мы кое-как работали, а по ночам веселились. Но как-то раз мы со Славой, устав работать в поле, решили поспать. Прилегли на гору ботвы и заснули так сладенько. А ребята куда-то уже все ушли вперед. Я помню, мы просыпаемся, а на нас такими удивленными глазами-шарами смотрит заяц. Причем, так внимательно смотрит. Мы смотрим на него, а он смотрит на нас. Издалека доносятся

крики наших друзей, которые зовут нас, потому что автобус уже уезжает. Как только заяц понял, что мы не спим, он рванул от нас. Мы попытались за ним угнаться, но куда там.

Нас со Славой хотели из нашего трудового лагеря выгнать за плохое поведение. Даже грозили нам чуть ли не отчислением из института. Но мы как-то обаяли педагогов, которые за нами смотрели, и нас, слава богу, простили.

Преподаватели

В ней рассказывается о том, как развал страны сыграл нам на руку

С педагогами нам очень повезло.

Мастерство актера нам преподавал Владимир Сергеевич Коровин, который, будучи артистом, закончившим МХАТ, распределился в Хабаровск. Там он был настоящей звездой – на всех спектаклях Коровина всегда были аншлаги. Кстати, в Хабаровском театре он работал вместе с Марком Анатольевичем Захаровым, который, правда, был в то время еще не так известен даже в Хабаровске.

Актерская карьера Марка Анатольевича не задалась, и он решил стать режиссером. Действительно, стал им и добился очень многого. Это сейчас уже уходящая натура, к сожалению. Захаров – прекрасный режиссер, пришедший в «Ленком» и создавший там огромное количество потрясающих спектаклей.

А наш Владимир Сергеевич, приехав после Хабаровска в Москву, не добился таких успехов. Он служил в Театре Гоголя, и там было довольно уныло. Коровин устраивал там постоянно какие-то капустники и играл в спектакле «Верхом на дельфине» – самом популярном спектакле умирающего театра.

Неожиданно Коровина назначили худруком «Москонцерта».

> **Что такое «Москонцерт»? В то время, в 88-м году прошлого века, это была гигантская бюрократическая организация с огромным количеством людей. Коровин был человек достаточно легкий и, так скажем, мало реализованный в театре и кино, он сыграл только роль молодого Ленина в фильме «Семья Ульяновых» в 1957 году, карьеры у него особо серьезной не было, а здесь такая должность – худрук «Москонцерта».**

Он дружил с Леонидом Харитоновым, который сыграл солдата Ивана Бровкина, с Марком Захаровым, с Гарри Бардиным, потрясающим мультипликатором, с Анатолием Лысенко, который создал «Взгляд». У них была какая-то своя игра, они как-то по-особому общались, у них была целая компания.

И вот он – худрук «Москонцерта», гигантской организации. Именно из-за этого Иоаким Георгиевич Шароев и пригласил его к себе на кафедру набрать курс. Иоаким Георгиевич, наверное,

имел свои корыстные интересы, ему нужен был свой человек в «Москонцерте». Комиссия «Москонцерта» во главе с Коровиным отсматривала программы артистов и решали, дать ли им ставку, то есть возможность законно работать, выступать, или нет.

Но, взяв Владимира Сергеевича Коровина худруком курса, Иоаким Георгиевич, к сожалению, не получил того, что он хотел. Страна разваливалась, и «Москонцерт» тоже стал разваливаться на мелкие секции. А потом и вовсе сошел на нет.

Но курс был набран.

Коровин, когда возникла идея нашего театра, очень хотел руководить им и быть с нами. Но мы были молоды и уже, как это ни грустно звучит, переросли своего мастера. Мы уже хотели все делать сами. Нам казалось, мы знали, как это сделать, и нам, грубо говоря, Владимир Сергеевич был не нужен.

Я не знаю, как другие участники, а я считаю, что именно Владимир Сергеевич Коровин заложил в нас то, что мы из себя сейчас и представляем. Да, конечно, опыт, да, конечно, с 93-го года мы ушли в свободное плавание, и нам Владимир Сергеевич помогал лишь какое-то время, очень переживал и расстраивался, что мы его не всегда зовем, потому что мы уже сами хотели писать, придумывать. Но он заложил в нас базу. Владимир Сергеевич закончил МХАТ, и на эстрадном факультете ГИТИСА нам мастерство актера преподавал мхатовец – это очень важно.

Сценическую речь половине нашего курса преподавала Наталья Ивановна Нечаева, жена Юрия Михайловича Авшарова, артиста «Сатиры», который выпустил курс в «Щуке», ставший потом театром «Ученая обезьяна», которым руководил Эдик Радзюкевич. Мы много потом с ним и с Сашей Жигалкиным работали. Театр «Ученая обезьяна» гремел со спектаклем «Город мышей» – они объездили с ним полмира. И выпустились они практически параллельно с нами. У них потом еще студенты «щукинские» работали – Нонна Гришаева, например. Тоже стечение обстоятельств – она возвращалась с Лешей в Одессу в одном купе, и выяснилось, что они земляки, что Нонна поступила в «Щуку», а Леша поступил в ГИТИС. И Нонна потом сыграла много ролей в наших спектаклях и в наших фильмах и до сих пор играет в спектакле «День радио». Это один из примеров тех случайностей и стечения обстоятельств, мистических каких-то моментов, когда человека вдруг сталкивает с тобой, вы потом идете рядом долгие годы и по жизни, и в профессии.

Нас чудом не забрали всех в армию. Повестки

просто не пришли, потому что ГКЧП, 91-й год, потом путч 93-го года, развал страны… «Бардак» сыграл нам на руку.

Сценическая речь мне очень помогла в профессии. Теперь со сцены меня отлично слышно. Но по началу у меня, приехавшего из Рязани, родившегося в Екатеринбурге, во рту была каша – у меня был екатеринбургско-рязанский говор, и его нужно было выправлять, чем мы и занимались на сценречи. Роман Сергеевич Филиппов был прекрасным педагогом и поставил с нами много отрывков. И даже один раз спас меня от отчисления, когда у меня возникли проблемы с дикцией. Леша Барац ставил со мной и Аней Касаткиной отрывок из Куприна. Я перенервничал, что-то такое пробубнил – так, что комиссия вообще ничего не поняла и поставила мне тройку. Я пришел к Роману Сергеевичу, говорю: «Роман Сергеевич, выручайте!» И мы сделали с ним очень хороший отрывок по Стивену Ликоку. Тут уж я получил пятерку, и у комиссии отпали вопросы по поводу моей профнепригодности.

А второй половине курса, куда входили я и Камиль из нашей четверки, сценическую речь преподавал Роман Сергеевич Филиппов, артист Малого театра, который сыграл множество ярких эпизодов в прекрасных наших фильмах – в «Джентльменах удачи» («Хулиганы! Зрения лишают!»), в «Бриллиантовой руке» («Ты зачем, Володька, усы сбрил?»), в «Чародеях», в «Девчатах»… Роман Сергеевич был добрейшей души человек и очень хороший актер.

Роману Сергеевичу иногда помогала преподавать его жена Екатерина Андреевна. Я хочу рассказать немножко про эту пару.

Это была, конечно, большая любовь. Мы потом со своей частью группы приезжали к ним встречать Новый год. Иногда навещали его, когда Роман Сергеевич хворал, потому что он был огромного роста, и у него были проблемы с ногами. Занятия иногда проходили у него дома. Он жил около метро «Киевская».

Про Филиппова ходили легенды. Например, такая.

На улице Горького был знаменитый Дом актера и ресторан, куда все артисты хотели попасть, чтобы посидеть, поговорить и выпить. И был там швейцар, который за трешку пускал артистов, и то не всех – у него был свой фейсконтроль. И вот нам рассказывали, что когда Роман Сергеевич в те годы, посещая ресторан Дома актера, перебирал лишнего, то он почему-то

выходил на улицу Горького, переходил половину улицы и вставал посередине, перекрывая движение. Об этом уже знал гаишник, он звонил Екатерине Андреевне, эта маленькая женщина приезжала, подходила к мужу, что-то говорила, брала его за руку, как маленького мальчика очень больших размеров, и увозила домой.

Педагоги у нас все были замечательные. Например, Даниил Борисович Дондурей – интереснейший человек, кинокритик, главный редактор журнала «Искусство кино», преподавал нам историю кино. Людмила Ильинична Тихвинская преподавала историю эстрады, Карина Врамовна Вартанова – зарубежный театр. У нас была история музыки, был танец – его преподавала Виолетта Антоновна Гонсалес, испанка, которую в свое время, когда мы воевали за Испанию, маленькой девочкой, потерявшей родителей, забрали оттуда, и она жила в России. Также у нас были история джаза, которую преподавал Павел Яковлевич Слободкин, создавший группу «Веселые ребята». Это он предложил Алле Пугачевой спеть песню «Арлекино», которая стала ее визитной карточкой. Степ преподавал Владимир Кирсанов. А сценическое движение – неожиданно преподавал Виктор Шендерович. Он написал знаменитую миниатюру про деревню Гадюкино для Геннадия Хазанова и был автором популярной программы «Куклы» на НТВ.

Еще тогда на заочном курсе преподавал, да и до сих пор преподает, артист Валерий Гаркалин.

Я считаю, нам очень повезло, что на эстрадном факультете собралась такая мощная команда преподавателей. Вот такое странное стечение судеб, людей, фамилий, которые окружали нас, и того, что творилось в стране.

Студенты

В ней рассказывается о том, как нам снесло башню…

Студенты у нас были очень разные.

Тогда Союз еще не распался, и в Москву по целевым направлениям приезжали на учебу группы из союзных республик и дружественных стран. Наш институт был институтом имени Дружбы народов. Например, у нас была осетинская студия на курсе Музыкального театра, афганская театральная студия, они жили на 4-м этаже в общежитии на Трифоновской. В то голодное время они покупали у нас чайники, самовары, утюги, отвозили на родину и продавали там, а сюда привозили бисер и сдавали его в комиссионные магазины. Так как у одного человека принимали ограниченное количество бисера, они предлагали нам, студентам, сдавать этот бисер в комиссионки за процент, на что мы с удовольствием соглашались, ведь минимальная стипендия была 50 рублей, и этого было маловато.

На наш курс по направлению из Монголии взяли режиссера Марину Дыбкееву на режиссерский факультет, которая не имела особенных талантов, но, видимо, должна была по возвращении домой поднимать монгольскую культуру.

Был еще у нас режиссер Андроник Ерицян из Еревана, о котором я уже писал, последователь Енгибарова, очень пластичный. Судьба Андроника сложилась странно – он куда-то пропал после окончания института.

Афганцы жили очень хорошо: еда, одежда, ковры. У одного даже был телефон. Целая афганская мафия.

Мы получали стипендию. Если ты сдал сессию на четверки, то получал 50 рублей, если сдал на пятерки – 60 рублей. Слава с Лешей снимали квартиру – им помогали родители. Рядом с нами жила еще одна наша однокурсница – Гайлутэ Мурашкайтэ из Прибалтики, тоже режиссер. Она вернулась потом домой и работала там на телевидении.

Каждому из режиссеров, а у нас их было четыре, давали возможность брать любых студентов для своих постановок, а потом на зимней и летней сессиях каждого курса показывать свои работы комиссии.

Итак, у нас учились актеры: я, Александр Демидов, Ростислав Хаит, Камиль Ларин, Леонид Барац, Мария Бычкова, Сергей

Перевозкин, Ирина Кучеренко, Олег Павлов, Петр Изотов, Светлана Кара, Дмитрий Охорзин, Анна Касаткина. Аня была кандидатом в мастера спорта по художественной гимнастике, очень пластичная. Потом она стала женой Лени Бараца. Светлана Кара была из Молдавии. Сергей Перевозкин приехал с Алтая, был последователем и поклонником Василия Шукшина.

Надо сказать, что сам факт поступления в институт еще не означал, что все станут потом профессиональными актерами и режиссерами, что будут востребованы в выбранной ими профессии. Например, на втором курсе за профнепригодность отчислили Дмитрия Охорзина и Марию Бычкову.

Самыми талантливыми, способными и активными на нашем курсе были Аня Касаткина и Сережа Перевозкин. Режиссеры часто приглашали их в свои работы. А вот нас, «квартетовцев», никто особенно никуда не звал. Говорили, что мы были совершенно невменяемы. И это действительно было так.

Хочу отдельно вспомнить Петю Изотова. Мы уже доучились до 4-го курса. Летом все разъехались – это лето 92-го года. И в августе случается страшная трагедия – Петя погибает в автокатастрофе.

Прямо перед смертью Петя близко сошелся с Мишей Хлебородовым и Мартой Могилевской, то есть вошел в такой элитный клуб клипмейкеров. И вообще, я так думаю, если бы не эта страшная катастрофа, может быть, нас было бы не четверо, а пятеро. Мы тогда были молодые, и у нас ни у кого потерь особых не было – были живы родители, друзья. И тут вдруг такая трагическая гибель… Произошла эта катастрофа 1 августа, и шестнадцать дней Петя не приходил в сознание – он был в коме. 16 августа он умер, и мы все приехали на его похороны в Москву.

> **Мы сошли с ума от свободы, от того, что мы поступили, что у нас такие крутые педагоги. Мы ходили на все занятия, все было так интересно! Энергия била из нас во все стороны – в перерывах между предметами я прыгал через столы, Слава очень хорошо изображал Цоя, Леша играл на рояле, Светлана Кара нам подпевала голосом Жанны Агузаровой. Все это было шумно, весело и неуправляемо.**

Нам еще полмесяца отдыхать, а тут такая трагедия, собравшая нас всех. Причем так удивительно: буквально за полгода до этого умер наш педагог по сценречи Роман

Сергеевич Филиппов. И мы на Троекуровское кладбище поехали его хоронить. Получилось, что за полгода до своей гибели Петя приехал на кладбище, где потом похоронили его.

Смерть Романа Сергеевича, человека не старого – ему не было шестидесяти, – педагога, была трагедией. А здесь вообще невозможно понять – как это, молодой парень? Это не укладывалось в голове. После похорон мы приехали в его квартиру к его маме, мы ее звали тетя Мила, и отчиму Геннадию Арсентьевичу. Мы не понимали, как реагировать: плакать – не плакать, пока тетя Мила не поставила любимую песню Пети, которую исполнял Фрэнк Синатра «Мой путь». И вот тут мы разрыдались…

Выживание

В ней рассказывается о том, как мы не ушли в разряд «небритых» лиц со струйкой пота…

История «Квартета И», конечно, связана с историей страны – то Горбачев, то Перестройка и Гласность, то Ельцин, путч 1991 года, потом – 1993 года, разруха, голод, воровство, приватизация… Страну мотало, шатало, водка, сахар и сигареты – по талонам.

Сложное и интересное было время. История «Квартета И» на фоне истории разваливающейся страны. Нас спасла молодость и вера в то, что мы добьемся того, чего мы хотим, что все у нас впереди и все получится.

На первом курсе Камиль одолжил сковородку – взял у девочек ненадолго, но потом она на все пять лет осталась со мной, как и камилевская плитка со змеевидной спиралью. Эта сковородка была ужасно неудобной – у нее не было ручки и ее невозможно было снять с огня не обжегшись. Потом мы с Лешей Барацем купили к ней чапельник – ручку-прихватку. А годы спустя чапельник стал одной из ключевых деталей в фильме «День выборов».

Денег всегда не хватало. Мы много чем занимались до того, как стали зарабатывать только творческим трудом.

Например, мы продавали жевательную резинку, которую ребятам присылали их друзья из Одессы. Мы сдавали ее в коммерческие палатки – такие были «комки», куда можно было сдавать что угодно – от еды до одежды. Друг нашего армянина Андроника открыл палатку в каком-то магазинчике, и мы туда это сдавали, причем у меня денег не было и я взял в долг у Леши, на эти одолженные деньги купил жвачку, сдал эту жвачку, получил деньги, отдал долг – совершенно виртуальные деньги получились.

Вернулся из Америки одноклассник Славы с Лешей – Дима Лейбман, настоящий авантюрист. Он придумал продавать деловую литературу и набрал агентов. История была очень простая: нужно было приходить на фабрику, на завод и предлагать им деловую литературу: бухучет, как платить налоги, деловое право – литература, которая, в принципе, не очень была нужна на заводах и фабриках или в каких-то фирмах. Как выяснилось потом, ее можно было купить

в определенных специализированных магазинах, но об этом не все знали. А тут ты приходил как агент, с набором этой литературы, говорил, что если вы купите такой маленький или большой набор, то вы получите именной сертификат – 10 % от суммы заказа. Именной сертификат – это была просто взятка руководителю, потому что руководитель какого-нибудь предприятия, если придет проверка и спросит, куда ушли деньги, мог сказать: «Вот, пожалуйста, – сто тысяч я перевел на литературу, на книги, которые необходимы моему бухгалтеру и моим сотрудникам». Происходил безналичный перевод на компанию Димы, а этот человек, руководитель, получал свои деньги налом в карман. А заказ можно было сделать и на двести тысяч, и на триста. Мы получали 20 % с каждой сделки.

Еще мы продавали герметизаторы для автомобильных шин. Я в Рязани сразу организовал свой бизнес – и по продаже герметизаторов, и по продвижению деловой литературы. Мы насытили рязанский рынок, и вся эта история закончилась.

В 90-е прожить было очень тяжело. Все просто забыли уже сейчас, что в магазинах, кроме морской капусты в консервных банках, больше ничего не было. Зарплату задерживали. Маленькие рынки появлялись спонтанно в самых неожиданных местах – люди вставали прямо на улицах и продавали, что могли.

Одна московская знакомая моих родителей работала в магазине «Лейпциг». Она помогла мне после окончания института снять двухкомнатную квартиру в Беляево в одном с ней доме.

Однажды она принесла кофты – «ангорки» они назывались, с начесом. Мы с Камилем поехали их продавать в Лужники. Приехали – жуткий мороз. Разложили эти ангорки. Замерзли! А ничего не продается. И мне еще так стыдно – ужасно! Я просто стоял и помалкивал, то есть покупателей не зазывал. Потом мы с Камилем выпили немножечко водочки, чтобы, во-первых, не замерзнуть насмерть, а во-вторых, как-то раскрепоститься, и Камиль начал кричать: «Подходите, друзья! Ангоры, ангоры!» – и добавлял еще нецензурное слово: «х… еры помидоры», – «Ангоры, ангоры на разные вкусы и цвет, ангоры!» – и мне опять шепотом: «Х… еры помидоры». Так мы ничего и не продали. А потом я отвез их в Рязань, мама там продала пару этих ангорок каким-то соседкам. На этом история с «ангорами, ангорами,

х…ерами помидорами» закончилась.

Другой раз Андронику прислали сапоги из Армении. Это тоже была целая эпопея, как мы с ним поехали в Рязань, обошли весь город, но никто у нас эти сапоги не купил.

Мама Леше Барацу прислала пылесос. У нас рядом с общежитием была комиссионная палатка, и Леша умудрился этот пылесос продать.

В 91-м году Владимир Сергеевич позвал нас поучаствовать статистами в передаче «Песня года». Ее вели Ангелина Вовк и Владимир Меньшов. Мы выносили малахитовые шкатулки и дипломы. И вот какое-то количество шкатулок мы умыкнули, потому что они остались в гримерной комнате. Мы собрали все, что у нас тогда было на продажу, и поехали на какой-то рынок, прихватив еще и пару ящиков пива.

Но мы опять ничего не продали. Было холодно. Мы выпили ящик пива на четверых. А один ящик продали чуть дороже, чем купили. Этих денег нам хватило, чтобы оплатить такси и вернуться домой.

А вообще, первый актерский заработок произошел у нас благодаря мне. Я же занимался в театральной студии в Рязани при ДК «Красное знамя». И вот были выборы.

Раньше выборы происходили очень просто, при ДК или при школе – приходили люди и опускали свои бюллетени за кандидатов. Тогда эти кандидаты были совсем безликие. Сейчас ты представляешь, за кого ты голосуешь, – рекламная кампания, встречи с избирателями, телевидение, статьи в газетах. А тогда это были просто какие-то неизвестные люди, скорее всего, – номенклатурные работники. К каждым выборам готовился какой-то праздник. Это всегда был выходной, и всегда около избирательных пунктов что-то продавали. Чтобы не просто пришел и положил бюллетень, а еще чего-нибудь выпил-съел-купил. Ну, и культурную программу увидел.

И вот однажды я приехал в Рязань в театральную студию к Александру Дмитриевичу, моему первому режиссеру. Я похвастался перед ним, что он не верил в меня, а я поступил. Он отвел меня к директору ДК, который предложил выступить с концертом за гонорар. Я сказал, что, конечно, программа у нас есть, приехал на курс и сказал, что можно заработать. Слава сразу позвонил папе, из Одессы прислали смешные кавээновские тексты. Камиль должен был показывать пародии, а еще у нас был материал из нашего студенческого купустника. Программу собрали где-то на час тридцать. Ехать собирались «квартетом» – Леша, Слава, Камиль и я.

Слава с нами в Рязань не попадал.

Надо было что-то делать.

Друг Камиля, который часто приходил к нам в общежитие, Олег Зима, с которым они познакомились на поступлении в Щукинское училище, был введен вместо Славы.

Заработали мы тогда по 35 рублей. На тот гонорар я своим сестрам-двойняшкам купил потом часики – детские, но настоящие.

Во времена нашего студенческого житья и учебы в ГИТИСе в стране постоянно происходило подорожание. И всегда к Новому году что-то дорожало. Не помню, от кого пошла информация, по-моему, от Андроника, что нужно покупать шампанское. Оно стоило 12 рублей, и все говорили, что к Новому году оно подорожает почти втрое. Мы все скинулись и закупились – Андроник купил ящик шампанского, я купил ящик шампанского, Леша купил ящик шампанского, даже Слава купил целых два ящика шампанского. Мы поставили все это под своими кроватями и ждали наступления Нового года, чтобы заработать.

В последний момент произошло следующее. Слава с Лешей баловались, дурачились перед очередной лекцией и решили поиграть в салочки. Придумали, что надо друг от друга бегать по лестнице вверх-вниз, пытаясь друг друга «осалить». И в какой-то момент они так вошли в раж, что Слава решил прыгнуть с самой верхней ступеньки, чтобы пролететь целый лестничный пролет. На последней ступеньке он неудачно соскользнул с нее и сильно подвернул ногу. Раздался хруст, нога распухала прямо на глазах. В травмпункте оказалось – перелом и разрыв связки.

Шампанское стояло, подорожания не происходило.

Это был период, когда, возвращаясь в общежитие, мы очень любили играть в кости. Играли, естественно, на деньги. Андронику всегда везло, я всегда проигрывал. И вот в какой-то момент мы с ним так зарубились, что, когда я проиграл все свои деньги, я стал выставлять вместо проигрыша эти самые бутылки шампанского, которые Андроник, как человек широкой армянской души, тут же открывал, наливал себе и мне. Дверь была открыта. Соседствующий рядом Музыкальный театр услышал азартную игру и активно к ней присоединился. Так мы играли и играли, отмечая каждый выигрыш – неважно чей. А студенты Музыкального театра болели за нас обоих и пили тоже за нас обоих. В результате, играя в кости, мы проиграли

друг другу все шампанское, которое хотели продать. Шампанское забурлило в нас так, что Андроник решил сделать шашлык. Идея была, конечно, абсолютно чудовищная и абсурдная, но все ее шумно поддержали. Андроник побежал на общую грязную, надо сказать, кухню сооружать непонятно из чего мангал и костер.

Но дым повалил не туда.

Во всяком случае, не туда, куда предполагал Андроник. Не в окно, которое он открыл нараспашку, а прямо по всему третьему этажу. Выбежали все студенты, все студии – осетинские, ингушские, афганские, прибежали девочки, которые кашляли, прибежал комендант общежития, хотели уже вызывать пожарную бригаду. Собралась огромная толпа людей, все кричали, и было ясно, что дела наши плохи. Но тут Андроник вдруг вскочил, взъерепенился и неожиданно выступил – как на митинге заорал: «Значит, так! Мы не будем жарить шашлык! Но чтобы и вы больше утром не пели! Вы нам мешаете спать!» После чего последовала ненормативная армянская лексика. Получалось так, что шашлык – это наша акция протеста. Так мы отмазались от пожарных, от скандала и от того, чтобы это все дошло до наших педагогов, что могло привести по-настоящему к неприятным последствиям.

Что было очень важно и существенно – мы были совершенно беззаботны.

На первом курсе у нас был капустник «Знакомьтесь: первый курс», в котором участвовали все первокурсники ГИТИСа. Происходило все это в старом здании Дома актера на Тверской. И был такой номер на курсе Андреева: студенты вышли, встали в ряд, парень с бородой взял гитару и стал петь:

– А мы уйдем в разряд небритых лиц,
Потому что актерская профессия – это работа,
И льется струйка пота,
И это звание – Артист.
И мы уйдем в разряд небритых лиц…

«В разряд небритых лиц» – эту фразу мы запомнили надолго, смеялись над ней.

Владимир Сергеевич Коровин, занимаясь с нами, всегда говорил: «Побезответственнее». Вот это стало, скорее, нашим основополагающим стержнем. Побезответственнее – это значит легче, свободнее, живее, не так серьезно.

Мы, вообще, смеялись надо всем, что

происходило вокруг, хохотали как идиоты. Эта фраза – «мы уйдем в разряд небритых лиц» – стала для нас ключевым отторжением от принятия профессии. То есть мы не хотели уходить в разряд небритых лиц, становиться серьезными бородатыми артистами со струйкой пота. Мы не считали, что обязательно это должна быть тяжелейшая работа. Что я под этим подразумеваю: работа над ролью не всегда должна быть страданием, болью, каким-то преодолением, поиском зерна роли.

Каждый артист, конечно, хочет сыграть Гамлета, Ричарда III, но факультет наш не предполагал этого. Хотя на одном из курсов мы поставили «Ромео и Джульетту». У нас было три Ромео, три Джульетты, и все это было как некий рассказ от лица Эфроса, основанный на его книге «Репетиция – любовь моя», где он жалуется, как тяжело работать с актерами, какая это профессия сложная, предательская, завистливая… Показ получился очень необычным. Из-за него потом Владимира Сергеевича ругала вся кафедра эстрады, а нас чуть не расформировали как курс.

Эта воспитанная Коровиным легкость, наверное, осталась у нас до сих пор. Легкость, которая не исключает работы в профессии, огромного труда, а трудиться нам пришлось много.

С трудом, но безответственно, мы шли к успеху. И именно это «побезответственнее» помогло нам во многом добиться того, что мы сейчас из себя представляем, и не уйти в «разряд небритых лиц».

Обучение и становление театра

В ней рассказывается про три слова:
квадрат,
итальянец,
сабля.

Сейчас, уже с высоты прожитых лет, хочется задаться вопросом: как у нас получилось сделать театр? Нам повезло с педагогами, подобрался такой блистательный состав, такие оказались рядом студенты, судьба, случай, стечение обстоятельств, развал страны, молодость – из всего этого коктейля и родился театр «Квартет И».

Мастерство актера было в ГИТИСе, конечно, основным предметом. Первый курс – это элементарные задания: положить какое-то количество предметов, потом выйти из комнаты, Владимир Сергеевич менял их местами, а мы должны были поставить эти вещи обратно. Это задание на память. Или игра слов, то есть кто-то начинал слово, например, «ежик», второй говорил: «Собака», – третий говорил: «Ежик, собака, пень», – и вот так вот – «ежик, собака, пень», потом прибавлялось еще одно слово и вот так шло по кругу, пока кто-нибудь не забудет слово и не выпадет. Это все нам потом помогло учить роли, быть внимательными, концентрироваться.

Потом мы перешли к этюдам. Владимир Сергеевич разбивал нас на группы и давал нам три слова, например: «Квадрат, итальянец и сабля», – и мы разбегались по комнаткам, каждый придумывал этюд, в котором должны были присутствовать эти три слова – квадрат, итальянец и сабля. Мы очень к этому относились трепетно, нам все это было ужасно интересно.

Однажды Коровин попросил нас сходить в зоопарк, чтобы мы посмотрели на животных, на их пластику, потому что животное, как говорил Владимир Сергеевич, невозможно переиграть. Если во время спектакля на сцену выходит кошка, внимание публики, конечно же, переключается на нее. Сходив в зоопарк, мы показывали животных. Сережа Петрейков очень клево показал сыча. А Камиль – у него была еще студенческая, стэмовская заготовка – показывал верблюда.

После этюдов и наблюдений мы перешли к более серьезным работам.

Например, Леша поставил сказку Юрия Энтина про Голубого щенка. Тогда это был очень популярный мультфильм, где Голубого щенка озвучивала Алиса Бруновна Фрейндлих, за Кота пел Андрей Миронов, а за Пирата – Михаил Боярский, Добрым моряком был Александр Градский – великолепный актерский состав! И вот мы распределили эти роли между собой: Аня Касаткина играла Голубого щенка, Слава – Кота, Сережа Перевозкин – Пирата, а я – Доброго моряка. У каждого, конечно, был какой-то музыкальный номер.

Владимир Сергеевич был худруком «Москонцерта» и имел определенные связи. И вот однажды его знакомый администратор, увидев эту нашу сказку, предложил поиграть ее в зимние школьные каникулы, что мы и сделали. И в январе 93-го года мы поехали в Ступино почти всем курсом.

Мы играли эту сказку по три раза в день, то есть за 9 дней отыграли 27 спектаклей. Зал был забит детьми. Перед нами работали два старичка, достаточно спившихся, которые играли на гармошках и разогревали детскую публику перед нашей сказкой, типа: «Мальчики, мальчики, покажите пальчики! Девочки, девочки, девочки-припевочки!» Закончив свой сет, они оставляли сцену, на которую выходили мы. Леша играл на рояле все музыкальные номера – он был и режиссером, и музыкальным концертмейстером. А наша задача была отыграть представление, а потом еще переодеться в Деда Мороза и Снегурочку и поздравить детишек.

Мы жили в Ступино в общежитии. Играли в шахматы. Немножечко, естественно, выпивали, брали батон белого хлеба, разрезали его вдоль, намазывали сметаной, потом поверх намазывали кабачковой икрой и с удовольствием это все лопали. В магазинах ничего, кроме белого хлеба, сметаны и кабачковой икры, не было.

Сначала Деда Мороза играл Камиль, потом попытался это делать я, но не распределил тогда еще свои силы и свой голос и охрип сразу же, поздравив ребят с Новым годом. Последним, кто вышел Дедом Морозом и сказал какой-то поздравительный текст, был Слава. Но вообще, конечно, лысеющий еврей Дед Мороз – это было очень смешно. В общем, в Ступино мы хорошо заработали и хорошо отдохнули. Я помню, даже себе купил какой-то костюм.

Там еще была такая история. Сережа Перевозкин играл плохого Пирата и брал Голубого щенка в плен. А я, Добрый моряк, приходил на помощь. Мы придумали такую штуку, чтобы

подзадорить ребятишек: я, спасая Голубого щенка (Аню Касаткину), начинал бегать по залу за Сережей (злым Пиратом). И тут начиналась вакханалия, потому что дети, естественно, начинали хватать Сережу за все доступные места, теребить его, бить, не пускать, а мне, естественно, наоборот, давали дорогу, чтобы я поймал этого злого Пирата. И вот все эти двадцать семь сказок периодически мы по этому залу бегали: Перевозкин убегал от меня, я бежал за ним. Я был в лучшем положении, потому что у меня была «зеленая» дорога, а Перевозкин постоянно попадал в какие-то препятствия: его шпыняли, тыкали, хватали, били, тащили, разрывали, если бы дети были поздоровее, его бы просто разорвали на части, тем более что Перевозкин был достаточно щуплый и маленького роста. На одной из сказок в первом ряду оказался маленький толстый мальчик. Он был, видимо, из разряда плохишей – он был за Пирата. И поэтому, когда Сережа бежал от меня и получал тумаки и всяческие проклятия, вдруг этот толстый мальчик выбежал, схватил Сережу, обнял, сказал: «Пиратик! Миленький мой, дорогой Пиратик! Давай, беги! Я за тебя! Беги! Я прикрою тебя!» – нашелся все-таки один мальчик среди всех этих сидящих в зале детей, который помог Пиратику, который прикрыл его, отбил от «хороших» ребят и даже препятствовал тому, чтобы я его догнал. «Пиратик, миленький мой Пиратик! Я же люблю тебя!»

Примерно в то же время Леонид Филатов написал «Сказку про Федота-стрельца», и мы на курсе в одну из сессий поставили небольшой отрывок, который с Владимиром Сергеевичем насытили своими придумками, песнями, кричалками, то есть помимо основного текста Леонида Филатова весь курс еще подыгрывал, подпевал. Я играл Федота, а остальные играли охрану, Сережа Перевозкин играл царя.

На эстрадном факультете мы умудрились поставить все: и «Голубого щенка», и «Федота-стрельца», и Шекспира. Сережа Петрейков поставил «Мнимого больного» Мольера, а потом для одного из показов он сделал «Чайку». За 20 минут он умудрился показать всю пьесу! Это было событием и обсуждением на кафедре – что это такое, что это за «Чайка» за двадцать минут? Но это был такой выплеск эмоций, такой мультик, комикс, состоящий из отдельных фраз, каких-то пробегов, криков.

Мы обожали Владимира Сергеевича, который рассказывал истории из своей жизни, не забывая при этом заниматься с нами непосредственно мастерством актера, говорил нам, чтобы мы впитывали, впитывали, впитывали, как губки.

Владимир Сергеевич делился с нами своим опытом – что-то нам открывал, дарил энергию, прививал нам знание и любовь

к литературе и поэзии. Например, однажды он открыл нам Довлатова, который тогда стал издаваться. Он пришел на занятие совершенно потрясенный и стал нам читать отрывки из «Заповедника», «Зоны», «Компромисса». Спектакля по Довлатову мы не поставили, но для многих он стал любимым писателем. Особенно для Славы Хаита, который считал, что чем-то на него похож.

Надо сказать, что к идее создания своего театра приходит каждый курс. Однажды мы сидели в кафе, выпивали – Андроник, Леша Барац и я – и решили: пора и нам. Пришли на курс и объявили: «Ребята, у нас остался последний год учебы. Давайте после окончания создадим театр. Кто хочет – присоединяйтесь».

К нам присоединились Камиль Ларин, Анна Касаткина, Сережа Перевозкин, Светлана Кара. На другом курсе мы нашли конферансье – Олега Дмитриева и Милу Савельеву, которая потом заменила Свету Кару. Самым последним присоединился Слава Хаит, потому что он почему-то меньше всего верил во всю эту затею и, наверное, скорее видел себя в «Одесских джентльменах» в белом шарфике с папочкой.

Сережа Петрейков обратил внимание, что этюды, в которых присутствует кто-то из нашей четверки, получаются смешными. Допустим, если в этюде, например, один из нас, это здорово, если двое – вообще здорово, если трое – то еще смешнее, а если в этюде все четверо, то это уже этюд или работа, которая обязательно войдет в показ на сессии. Он это заметил.

Сережа Петрейков примкнул к нам сразу. Ему хотелось быть режиссером, он им и стал. Из этого потом вырос неприятный конфликт. Дело в том, что Владимир Сергеевич тоже хотел руководить нашим театром после выпуска. И это было естественно – худрук курса, естественно, становился худруком театра. Например, так появились «Фоменки» на курсе Петра Наумовича Фоменко. У нас вышло иначе. Сережа был очень ярким, энергичным – он задавил Коровина своей молодостью. И у Сережи была другая позиция, он представлял все иначе. Владимир Сергеевич очень переживал и считал, что мы все хорошие, а Сережа Петрейков плохой – он взял и забрал у него роль руководителя, отобрал театр.

Я, кстати, первым из курса снялся в кино – в главной роли в фильме «Пять похищенных монахов». Это был один из последних фильмов Киностудии Горького, после чего наступил

кризис, и кино накрылось. Съемки проходили в городе Керчи, и я играл Васю Куролесова. Был такой мультфильм по книжке Юрия Коваля «Приключения Васи Куролесова». Коваль написал продолжение, и по нему снимали фильм. Снимал этот фильм Исаак Семенович Магитон – потрясающий дядька, который снимал знаменитые «Ералаши»: «Серега, выходи!» – один из известных выпусков. Он работал вторым режиссером в основном, а тут ему дали полный метр.

Исаак Семенович сказал мне: «Ну, теперь будешь играть роли дурачков в сказках, пойдет твоя карьера». Но ни в прокат, никуда этот фильм не вышел, потому что все кино закончилось, как и моя карьера в нем.

Тогда мы с моим однокурсником Олегом Павловым решили заняться съемкой клипов.

Сняли мы их всего три штуки.

Первый клип мы сняли у Пети Изотова, он еще был жив, на даче в Малаховке. Я был режиссером, а Олег Павлов был директором. В первом клипе вообще практически никто не снимался, только некая певица, и этот первый клип невозможно теперь уже нигде найти, как и ту певицу.

Мы сняли два клипа Александру Тихановичу и Ядвиге Поплавской. Они пели в группе «Верасы» – Саша Тихонович, ныне покойный, белорус с такими очень характерными усами, и Ядвига Поплавская, – пели знаменитые песни: «Малиновки заслышав голосок», «Я у бабушки живу», «Метель-завируха».

А я тогда просто ходил по Киностудии Горького и, заходя в какую-нибудь дверь, спрашивал: «Актеры не нужны?» Он меня увидел и сказал: «Заходи. А кто ты такой?» – «Я – Саша Демидов». И он меня утвердил.

Нас много с кем судьба сводила. Например, нам посчастливилось сняться у популярнейшего на всю страну Жени Белоусова, которого уже нет с нами, в клипе «Девчонка-Девчоночка». Еще мы снялись у Ефрема Амирамова, который гремел со своей песней «Молодая». И у Игоря Саруханова в клипе «Barber» – была такая песня на английском языке, не имевшая большого успеха, потому что не готова была наша публика воспринимать артистов, поющих на иностранном языке.

Помню, тогда была популярнейшая передача, которую вел Иван Демидов. Он работал сначала осветителем в программе «Взгляд», а потом из осветителей дошел до того, что у него появилась своя передача «Музобоз». «Утренней почты» тогда уже

не было, Ваня, по сути, заменил «Утреннюю почту» своим «Музобозом». Только его программа была еще и молодежной, модной. Ваня делал обзор клипов и музыкальных новинок, причем не только отечественных, но и зарубежных, что было тогда чем-то невиданным, у него появлялись музыканты, которые до того не могли попасть на телевидение из-за цензуры. Например, в «Музобозе» показывали «АукцЫон», «Алису», «Кино», «Аквариум». Показывали там и новую попсу, которая тоже сильно отличалась от привычной советской эстрады, популярную и очень в то время модную группу «Кар-Мэн», Богдана Титомира, группу «Технология», Лику Стар, «Лицей» и многих других. Попав к нему в программу, можно было проснуться знаменитым.

И вот мы пришли к Ване Демидову, и Саша Тиханович говорит: «Привет, Иван. Я из Белоруссии, и у нас есть клип. А вот молодой режиссер Саша Демидов. Можно ли как-то этот клип показать?» Ваня Демидов взял мой клип, в котором снялся почти весь наш курс, и им завершился один из выпусков «Музобоза», но знаменитым я не проснулся.

Однажды мы дозвонились Игорю Талькову. Это был известный в то время автор и исполнитель, трагически потом погибший. Тогда он собирал огромные залы – например, концертный зал «Россия». И после нашего звонка, по сути, с улицы, Тальков пригласил нас с Олегом поговорить и предложил написать сценарий на песню «Я вернусь».

Мы пришли к Игорю на концерт, посмотреть, как он выступает. Времена были бандитские, и у Игоря был здоровенный охранник, который носил его гитару. У Игоря была крутая иностранная машина, чуть ли не ручной сборки. Но когда я приехал к нему домой на Кантемировскую, оказалось, что он живет в маленькой двухкомнатной квартирке. В кроватке спал его сын, тут же ходила его жена. Игорь сказал: «Вот, живу в таких условиях. В туалете сижу и пишу песни, чтобы не шуметь – у меня ребенок маленький». Еще у него висела боксерская груша с портретом Ленина. Он ненавидел Ленина, ненавидел коммунистов, это была для него больная тема, отраженная во многих его песнях.

После опытов с Сашей Тихановичем мы с Олегом Павловым почувствовали уверенность в своих силах. У Олега мама работала в «Москонцерте», она дала нам записную книжку с номерами всех артистов. Мы обзванивали всех подряд и предлагали снять клип. Иногда мы звонили из дома Олега, а иногда –

из телефонного автомата на четвертом этаже ГИТИСа.

Я сидел в своей 310-й комнате один и писал сценарий, непрерывно слушая эту песню. Я придумал клип о том, как он идет в каких-то переулках и поет, а к нему присоединяется один человек, другой, третий, потом – его группа. А параллельным монтажом мы хотели дать хронику – как расстреливают белогвардейских офицеров, кадры Гражданской войны, революции…

Репетиционная база у Талькова была во Дворце молодежи. Мы пришли туда с Олегом Павловым. Я страшно стеснялся, но начал читать свой сценарий перед Игорем и его группой. Откуда-то появилась наглость и уверенность, и всей группе сценарий очень понравился. Олег Штром, с которым мы познакомились на фильме «Пять похищенных монахов», должен был быть оператором. Мы с ним нашли натуру – какие-то проходные дворы в районе Арбата, в районе Калининского проспекта. Но до подбора документальной хроники и до съемок дело не дошло. Мы позвонили Игорю, сказали, что все готово и пора приступать к съемкам, нужно говорить о финансировании. А Игорь был человек достаточно резкий, от него веяло, во-первых, настоящим мужчиной, во-вторых, какая-то печать смерти на нем была, какая-то боль, какой-то надрыв в глазах, тоска. Тяжелый был человек, и общался он всегда на дистанции. Он отправил нас к своему директору, а директор предложил сначала снять клип, а потом уже они бы нам заплатили. Ну, понятно, что у нас с Олегом не было еще такого количества заказов, чтобы открыть свое дело, иметь прибыль, которую мы могли бы вкладывать в производство. Мы только начинали этот бизнес, который так ни к чему и не привел в результате. Я возмутился:

– Как же так? Была же договоренность с Игорем, что он профинансирует это все?

– Нет.

Сразу по окончании института Андроник канул в Лету. Гайля Мурашкайте уехала в Прибалтику. Марина Дыбкеева уехала в Монголию. Мы потеряли нашего однокурсника Петю Изотова. Светлана Кара вышла замуж и уехала в Англию. Олег Павлов до сих пор работает на телевидении.

Этот директор убедил Игоря, что мы – какие-то непонятные ребята, зачем нам платить, «пусть снимут, а потом заплатим». Мы сказали, что у нас нет денег на съемку. На этом идея заглохла. Так я клип

Игорю Талькову и не снял. А через некоторое время он погиб.

В труппу театра «Квартет И» из нашего курса вошел сам «Квартет», Сергей Петрейков, Анна Касаткина и Сергей Перевозкин. К сожалению, мы потом расстались с Сережей Перевозкиным. Человек стоял у истоков театра, и мы открыли с ним первый сезон, а вот дальше почему-то ему места в других спектаклях не нашлось, как-то он выпал.

Так же потом мы разошлись и с Олегом Дмитриевым, и с Милой Савельевой.

А вот Аня Касаткина влилась в наш театр. Жена Коровина Инна Георгиевна Бомко была заведующей труппы театра «Ленком» у Марка Захарова. А Владимир Сергеевич с Марком Захаровым дружил, и он Аню Касаткину туда предложил. Она несколько лет, параллельно с работой в театре «Квартет И», участвовала в спектакле «Ленкома» «Бременские музыканты» с Димой Марьяновым. Она играла Принцессу, а Дима Марьянов – Трубадура. Но все равно карьера Ани в «Ленкоме» не сложилась, потому что она в основном танцевала в разных спектаклях. Главная роль у нее была только одна – в спектакле «Бременские музыканты», который поставил Александр Гаврилович Абдулов. Аня потом ушла от Захарова, но до сих пор работает в нашем театре.

Камиль думал, что он будет эстрадным артистом. И если бы ничего не получилось с театром, он бы, наверное, был каким-нибудь конферансье или пародистом.

К концу института у нас у всех была некая безнадега – страна разваливается, распределений никаких нет, мы не профилированные актеры: никто из нас не определился в каком-либо эстрадном жанре, поэтому создание театра давало нам единственную возможность нашего развития, некую определенность, то есть как жить и что делать дальше.

«Это только штампы»

В ней рассказывается о том, как появилась буква «И» и как еще не встретились Максим Галкин и Алла Пугачева

Мы придумывали этот спектакль вместе с Коровиным.

Он состоял из двух частей. В первой части мы собрали наши номера за последние годы учебы – этюды, скетчи, сценки и эпизоды, созданные за все время нашей учебы. А во второй части были штампы театра, эстрады, кино, телевидения и цирка.

И надо сказать, у нас с телевидением так ничего и не сложилось никогда, сколько бы проектов и с кем только мы ни начинали: и с Александром Любимовым, и с Алексеем Лысенковым, и с Александром Цекало, и с Александром Гуревичем – ничего не получалось.

На самом деле, я думаю, дело было, конечно, не только в пророческих словах Людмилы Ивановны, а в том, что, видимо, мы не могли находиться в чужих рамках. Мы находились в рамках своего коллектива, у которого формировалось свое лицо. Все остальное нами вольно или невольно отторгалось. Или само отторгало нас.

У нас была концертмейстер – Людмила Ивановна, очень набожная женщина. Она постоянно нас крестила, особенно трогательно и смешно это выглядело, когда она брызгала святой водой на мусульманина Камиля и евреев Лешу со Славой. Она все время приговаривала: «Вот вам только на телевидение не надо. Там – бесы».

На пятом курсе Владимира Сергеевича в качестве режиссера пригласил в свой театр «Вернисаж» на Беговой Юрий Непомнящий. А Владимир Сергеевич, в свою очередь, пригласил нас с нашим дипломным спектаклем «Это только штампы».

В совсем маленьком зальчике были удобные кресла и маленькая сценка. Нас там еще бесплатно кормили обедом, что было очень важно. После каждого спектакля мы устраивали небольшой банкет и не могли наговориться, какие мы талантливые. Там же наш спектакль в качестве председателя экзаменационной комиссии посмотрела знаменитая Гелена Великанова, и мы получили дипломы артистов эстрады.

До открытия нашего первого сезона мы играли наш спектакль в театре «Вернисаж». И вот как-то раз к нам пришел Александр Любимов из «Взгляда». Владимир Сергеевич дружил с его мамой.

«Взгляд» тогда гремел на весь Советский Союз. Саше так понравился спектакль, что он решил делать с нами телепередачу – политкабаре, некую пародию на программу «Взгляд», чтобы Леша был Любимовым, я – Политковским, Слава – Листьевым. Такое молодежное политкабаре. Саша очень воодушевился нашим спектаклем. Но Людмила Ивановна, наш концертмейстер, уже все нам напророчила. Так что у нас с Сашей Любимовым ничего не получилось. Мы сняли несколько пилотных выпусков. Он привел к нам режиссера Аллу Плоткину, сказал, что это очень хороший режиссер. Алла разругала нас с Сашей. Потом она несколько лет была режиссером передачи «Угадай мелодию» с Валдисом Пельшем. Это был пик ее режиссерской карьеры.

Поначалу у нас не было никакого названия. Но когда сложился костяк из квартета, мы добавили к нему букву «и», которую придумал я, и получился «Квартет И». Весь наш спектакль – это была ширма, из-за которой мы выходили, показывали номер и снова скрывались за этой ширмой. За ней ставились стулья и какой-то реквизит. Мы вставали на стулья, показывали свои головы из-за нее, как-то ее обыгрывали.

В 1993 году мы открыли нашим спектаклем свой первый сезон в учебном театре ГИТИСа. Это Гнездниковский переулок, Тверская улица, прямо напротив Елисеевского гастронома, через дорогу, в такой арочке, в подвальчике. Там было мест 120.

Мы пытались себя рекламировать. Сережа Петрейков пришел в газету «Аргументы и факты» и попросил: дайте рекламку, пожалуйста, – молодой театр, спектакль «Это только штампы» идет в учебном театре ГИТИСа. Нам пошли навстречу: да, молодой театр, конечно, и дали объявление, что такого-то числа, по такому-то адресу идет спектакль нового комического театра «Квартет И» «Это только штаны». Реклама прошла, мы были не очень довольны искажением названия нашего спектакля. Когда Сережа Петрейков пришел туда и сказал, что все-таки спектакль называется «Это только штампы», а не «Это только штаны», он увидел женщин, которые еле-еле сдерживали смех, краснея и давясь от хохота. Они пообещали: «Конечно же, конечно же, мы все исправим! В следующей газете мы обязательно все исправим!» Но и в следующем выпуске было написано: «Спектакль «Это только штаны».

Иосиф Райхельгауз пригласил нас на 70-летие Булата Шалвовича Окуджавы. Мы приготовили номер – такие куплеты

про шестидесятников, потому что в зале сидели, собственно, все: Юрий Никулин, Белла Ахмадулина, Борис Мессерер, Андрей Битов, Андрей Вознесенский и Зоя Богуславская, Олег Янковский – вся творческая элита пришла чествовать в театр на Трубной к Райхельгаузу Булата Шалвовича Окуджаву и поздравлять его с 70-летием. Это было 9 мая. Нам даже не в чем было выступать: у меня был клубный пиджак, Камиль попросил пиджак у нашего приятеля. И вот мы, более-менее приодевшись, пели втроем: Камиль, Слава и я, а Леша нам подыгрывал на рояле. Леша, когда выходил объявлять наш номер, сказал: «Сейчас мы споем куплеты. Попрошу меня к роялю! Пожалуйста, попрошу меня к роялю». Таким голосом Гердта, который, кстати, тоже, по-моему, сидел в зале. На банкете потом Григорий Горин подошел к нам и сказал: «Какая прекрасная шутка «попрошу меня к роялю», я бы так никогда не придумал». Мы чуть не лопнули от счастья и гордости.

Каждый день мы впятером собирались и что-то придумывали. Сначала – в общежитии. Потом Сережа Шустицкий привел нас в Дом актера в молодежную секцию к Люсе Черновской. У нее в Доме актера постоянно проходили какие-то капустники. Мы там показали отрывок из своего дипломного спектакля и прошли на ура. Кстати, какое-то количество номеров, благодаря которым мы зарабатывали себе потом на хлеб, выступая с ними на всяких корпоративах, родилось у нас именно в Доме актера, когда мы готовились к капустникам, Масленицам, старым Новым годам и другим праздникам, в которых участвовали все, от студентов до известных артистов. У Люси собирались: Иван Демидов, театр «Ученая обезьяна», Марина Голуб, братья Верники, Константин Эрнст, Слава Зайцев, Александр Васильев, который ведет сейчас «Модный приговор», Павел Каплевич, Рената Литвинова, фотограф Валерий Плотников, Андрей Кнышев, Рустам Хамдамов, Павел Буре, Людмила Максакова, Евгений Миронов, Алла Пугачева, там выступал никому тогда еще не известный Максим Галкин со своими пародиями, он, как и группа «Несчастный случай», работал в студенческом театре МГУ. Здесь бывали: Александр Ширвиндт, Михаил Державин, Леонид Ярмольник, Людмила Гурченко… Это было грандиозное место, куда приходила вся театральная элита. Ну, а главной хозяйкой над всем этим была директор Дома актера – Маргарита Александровна Эскина.

Мы не знали, что на наш спектакль приходил Миша Козырев. Он работал на радиостанции

«Максимум». Наш спектакль ему очень нравился, он туда переводил кучу своих знакомых. Борис Березовский дал ему денег, и появилось «Наше радио». Мы там сделали много смешных программ.

Наши номера всегда проходили на ура. По сути, наш дипломный спектакль «Это только штампы» открыл нам дорогу в настоящую большую жизнь, а Дом актера помог закрепиться в театральной тусовке и заработать хорошую репутацию.

Москва клубная

В ней рассказывается о том, как нас из-за 300$ чуть не увезли в лес и не изнасиловали

Но надо было зарабатывать не только репутацию, но и деньги.

Тогда в Москве расцвела клубная жизнь. Основная часть населения страны бедствовала, но уже появились ребята в малиновых пиджаках.

Мы купили Камилю за 100 долларов смокинг и стали потихоньку зарабатывать: вели корпоративы, свадьбы, очень прилично можно было заработать в Новый год. Это вообще отдельная история нашей коммерческо-творческой деятельности. На Тверской был клуб «Карусель», была «Патио Пицца» в гостинице «Интурист» – сейчас этой гостиницы уже нет. Напротив, через дорогу, был клуб «Московский», куда я пришел с тогда еще VHS-ной кассетой, нашел арт-директора, ее звали Света, и показал ей отрывки из нашего спектакля. Мы были приглашены выступить в клубе «Московский», по-моему, долларов за 300. Я спросил: «А кто еще у вас выступал?» Света ответила: «Ну, вот Валентин Гафт читал свои эпиграммы». – «А сколько было зрителей?» – «Человек там 10–15. Мы устраиваем такие театральные четверги, и в следующий четверг, пожалуйста, можете выступить». Мы пришли выступать и не увидели в зале практически никого. Там было несколько проституток. Видимо, не получив еще приглашение по линии своей работы, они садились за столики и с удовольствием слушали нашу программу. Так что нашими первыми слушателями в московских клубах были проститутки, ну, и несколько ребят в малиновых пиджаках.

Леша Агранович, который познакомился с нами на 70-летии Окуджавы, решил тоже продавать нас в клубы. Мы пришли в клуб «Карусель», который находился в доме, где жила Алла Борисовна Пугачева. Там арт-директором была очень строгая женщина в очках, напоминавшая жестокую немку. Ей не хватало только какого-нибудь хлыста и военной формы. Мы перед ней честно отработали свою программу. Лицо этой женщины ничего не выражало – ни удивления, ни радости. После показа она помолчала, а потом встала и строго сказала: «Ну что ж. Это очень смешно». И пригласила нас выступить за 250 долларов.

И так получилось, что в момент, когда мы в «Карусели» выступали, вдруг заходит Алла

Борисовна Пугачева в окружении Филиппа Киркорова и Александра Буйнова – в общем, с какой-то такой дружной компанией. Они сели где-то в углу, а мы начали исполнять свою программу. Мы тогда очень старались: кривлялись, такие корчили рожи, как говорится, из кожи вон лезли со своей молодой энергией. И Алла Борисовна Пугачева со своей компанией вдруг обратила на нас внимание, начала нам аплодировать, кричать «браво»! Мы завелись, отработали свою 30–40-минутную программу, убежали за кулисы, учащенно дыша, получив там свои 250 долларов. Мы ждали, а вдруг Алла Борисовна придет к нам в гримерку, позовет нас в свой Театр песни или хотя бы что-нибудь скажет, как-то похвалит нас. Но этого не случилось.

Прошло много лет. Алла Борисовна уже с Максимом Галкиным была на какой-то вечеринке, и там оказался Слава Хаит. Это было совсем недавно. Слава рассказывал, что Максим Галкин, с которым, кстати, мы очень много работали на разных корпоративах, часто пересекались в 90-е годы, подошел к Славе и говорит: «Иди к моей жене, ты ее любимый артист». Слава подошел к Алле Борисовне, и выяснилось, что, действительно, она давно следит за «Квартетом И», знает наши фильмы, смотрела их, очень уважительно относится к нашему творчеству и, действительно, Слава ее любимый артист.

Так ее похвала все же настигла нас через 25 лет.

Тогда же было очень много казино. И была у нас история с клубом «Golden Palace», где арт-директором работала Лена Дунаевская – одна из жен Максима Дунаевского. Это был очень дорогой клуб, дорогое казино, и мы там устраивали трехдневное празднование Хеллоуина. Выходила массовка, люди в каких-то страшных масках, мы показывали свои номера, – в общем, три дня работы. А я еще в то время снимался в передаче «Колесо истории», которую вел Леонид Якубович, где познакомился с артистами «Театра на Юго-Западе». Там работал покойный Виктор Авилов. Он тогда, конечно, гремел, но это уже был закат театра и творческой жизни Виктора. Я предложил Лене, чтобы в какой-то момент программы Виктор Авилов со своими огромными выпученными глазами вышел с канделябром с горящими свечами и что-нибудь прочитал. Лене эта идея очень понравилась. Когда я на съемках предложил это Виктору Авилову и сказал, что можно заработать долларов 300 за один выход, он переспросил: «Сколько?!» Я повторил: «300 долларов за выход.

Я лично выбью у Лены Дунаевской. Ты просто в центре программы, в центре Хеллоуина, выходишь со свечой и что-то читаешь. Можешь что-нибудь прочитать такое, в тему: громогласное, грозное?» И он ответил: «Конечно. Я прочитаю Пушкина».

Витя сильно выпивал. А в «Golden Palace» рюмка водки стоила каких-то безумных денег. Я помню, как мы пришли к «Golden Palace» перед Хеллоуином с Витей. Со своим спиртным, конечно, в казино не пускали. У нас была бутылка водки, мы полбутылки выпили и закопали ее под каким-то деревом в куче осенней листвы недалеко от главного входа. Дальше прошли, отработали программу, Витя громогласно и страшно прочитал свой монолог, держа в руках канделябр с тремя свечами. Дальше, когда наступил перерыв, мы вернулись с ним к тому дереву, откопали бутылку и допили ее. И так было три дня подряд.

Помню как, мы выступали на корпоративе в казино «Москва» около трех вокзалов. Камиль вел программу. Он делал конферанс, а потом снимал смокинг, надевал жилетку и присоединялся к нам, и дальше мы работали вчетвером. Потом он опять надевал смокинг и выходил к публике. И вот он вдруг прибегает к нам за кулисы очень возбужденный. А мы еще не отработали всю свою программу.

Камиль говорит: «Все! Я нашел там человека!.. Этот человек – это вообще! Я знаю, кто это! Я сейчас обязательно к нему подойду и дам ему слово». Мы говорим: «Камиль, кто это, скажи нам, кто это?!» – «Нет, это тайна, я все сделаю сам, я все придумал. Я дам ему слово, а потом представлю нас». Камиль убежал, мы, выглядывая из-за кулис, смотрим, как он ходит между столами. А там сидят люди такого вполне бандитского вида, борцы какие-то с такими борцовскими шеями шире головы – серьезные ребята. Камиль подходит к какому-то человеку и говорит: «Уважаемые дамы и господа, как же приятно вот здесь, в этом замечательном зале, увидеть прекрасного человека, которому хочу предоставить слово, потому что это великий комментатор Котэ Махарадзе!» И дает ему микрофон. Тот берет микрофон и очень спокойно говорит: «Дарагой мой! Я очэн люблю Котэ Махарадзе! Это мой близкий друг. Но я – не Котэ Махарадзе. Я народный артист СССР Арчил Гомиашвили». Мы отработали свою программу, получили деньги и

ушли через черный вход, потому что окружение Арчила Гомиашвили было не очень довольно.

В другой раз нас пригласили в клуб, мы подготовились, пришли, даже взяли с собой какие-то осветительные приборы, расставили их. А в клубе никого. Организаторы говорят: «Нет, вы должны выступать». Мы удивляемся: «Как выступать, тут три человека?» А они настаивают. Мы говорим: «Ну, это бред – выступать перед пустым залом! Давайте не будем!» Мы потихоньку стали собирать свет, но чувствуем, организаторы нас не отпускают. Они нам ничего не платили вперед, но при этом требовали то ли неустойки, то ли чтобы мы все равно отработали программу, пускай при пустом зале. Каким-то образом мы умудрились убежать. Погони за нами не было. Но было тревожно.

Мы придумали на Новый год фишку – продавать букет – первый букет в наступившем году для своей женщины. В клубе «Московский» тоже обстановочка была, так сказать, напряженная, и лица людей, и контингент были еще те. И вот Камиль разыгрывает этот букет, шаг идет в 100 долларов, какой-то человек кричит: «Триста долларов!» Все весело, здорово, Сережа Петрейков, пытаясь поднять ставку за букет, кричит: «Четыреста долларов!» – и тишина. Мы замерли, мысленно быстро подсчитывая, что нам придется отдать весь свой заработок за этот дурацкий букет. Слава богу, все-таки нашелся какой-то человек, который поднял ставку, и букет был продан.

Как-то мы должны были отработать новогоднюю ночь в клубе «Марио» рядом с Театром Станиславского. У нас были уже смокинги с белыми рубашечками и разноцветные жилетки, и мы должны были с одиннадцати часов вечера до двенадцати встречать в смокингах гостей, а в двенадцать уже в жилетках поздравить всех с Новым годом, продать первый новогодний букет и отработать дальше свою программу. Проходив час в этих своих смокингах, непрерывно улыбаясь и желая всем приятного вечера, переодевшись, мы вышли на сцену и попытались начать продавать букет. Но как-то у нас это не очень пошло. Мы решили тогда зайти с нашего первого музыкального номера. А в клубе набралась достаточно большая компания.

И вот поем мы, поем, пытаемся разогреть и завести публику, как вдруг встает кто-то из-за стола и с кавказским акцентом, по-доброму, говорит: «Дарагой! Дай микрафон!», забирает у Камиля микрофон и говорит: «Гриша, давай!» И здесь выходит «Гриша». Это был Григорий Лепс. Он затянул «Натали» и дальше продолжил петь свои

песни одну за другой. Организаторы, увидев такое дело и то, что Гришу не остановить, сказали нам: «Знаете что, ребята, вот вам деньги, вы свободны». Так Григорий Лепс помог нам заработать самые легкие, шальные деньги – всего час перед Новым годом походив в смокингах. В час ночи мы были уже свободны и побежали с радостью праздновать Новый год в своей компании.

Но бывали истории и пострашней. В то время на Олимпийском проспекте была дискотека Лисовского – клуб «ЛИС'С». Я каким-то образом умудрился попасть в этот клуб и договориться с арт-директором, что мы вечером выступаем. Когда мы пришли, выяснилось, что арт-директора уволили. Но мы уже были заявлены в программе, и заплатить нам должны были 300 долларов, как мы с ним договорились. Сережа Петрейков у нас всегда стоял за пультом и включал фонограмму. И вот мы поем, как вдруг – бабах! Фонограмма выключается. Мы ничего не понимаем, поклонились, ушли за кулисы. И вдруг в гримерку прибегает помощник Лисовского и начинает страшно на нас кричать. С ним была охрана, и он отчитывал весь наш коллектив как школьников. Выяснилось, что мы помешали Лисовскому разговаривать с Эдвардом Радзинским. Они разговаривали, и Лисовский сказал своему помощнику: «Кто это там поет? Можно сделать так, чтобы они заткнулись?» И нас заткнули. Этот его помощник небольшого роста, как настоящая шавка хозяина, гавкал на нас, кричал, обещал, что сейчас нас вывезут в лес, изнасилуют и закопают. Я вспомнил Шульца из трудового лагеря, свое комсомольское прошлое и, как организатор этого выступления, проявил характер – бросился на амбразуру и предложил отпустить ребят, потому что они не виноваты, а это я с арт-директором договорился. «Этого арт-директора больше нет!» – ну и там пошел какой-то уже мат-перемат. В общем, возник скандал и очень неприятная, даже страшноватая ситуация. Вдруг этот помощник куда-то побежал, а мы, воспользовавшись этой паузой, потихоньку оттуда сбежали. Я последним спускаюсь на трясущихся ногах по лестнице к выходу, и вдруг вижу девушку Оксану – помощницу Лисовского, которая ничего не знает о нашем конфликте. Она вдруг останавливает меня: «Ну, что? Вы выступили?» У меня во рту пересохло. Не знаю, откуда у меня хватило смелости и наглости, но я довольно спокойно ответил: «Да, выступили». – «Ну, так давайте, заходите ко мне, нужно же с вами рассчитаться!» Я оглянулся назад, думаю, а вдруг сейчас за моей спиной стоит какой-нибудь охранник или этот помощник

Лисовского, который услышит или увидит, что мне выдают деньги, и обязательно увезет меня в лес, изнасилует и закопает. Но сзади никого не было. Я зашел в эту комнатку, Оксана выдала мне 300 долларов, я расписался в какой-то ведомости и выбежал прочь. Потом Лисовский узнал об этом – на Оксану нажаловался тот самый помощник, который обещал нас изнасиловать и закопать. Но Лисовский в ответ расхохотался и сказал, что из-за трехсот долларов он никого вывозить в лес не станет.

Как-то Камиль тоже решил нас продавать. Он взял справочник, обзвонил огромное количество клубов, но дело у него не пошло. И вдруг в какой-то момент он сказал: «Все, ребята, я нашел площадку! Мы выступаем! Я договорился, если мы хорошо выступим первый раз, то потом выступим там еще семь раз и нам заплатят по двести пятьдесят долларов за выступление!»

Камиль потом долго ходил в эту палатку и, надо отдать ему должное, выбил часть денег за это выступление.

Помню концерт в Кремле «Итальянцы в России». Мы должны были объявлять: Аль Бано, Тото Кутуньо, Рикки э Повери… – большой концерт, для которого были написаны специальные тексты, связывающие выступления всех этих итальянцев. И вдруг нам не дают денег. Слава жестко сказал, что, если денег не будет, мы не будем выступать. Стоим в смокингах, Кремль, уже надо начинать, а организаторы говорят: «Денег нет». Слава стоит на своем: «Мы не выйдем на сцену». Тут началось такое… Опять угрозы, крики. Но у нас были тоже в то время имена и фамилии авторитетных людей, с которыми мы дружили, и мы начали говорить, кого сейчас позовем и кому позвоним. В общем, противостояние было дикое. А сумма там была приличная. Десять минут проходит, пятнадцать – денег нет. Нас кроют трехэтажным матом. Наконец организатор концерта как ни в чем не бывало достает из кармана деньги и отдает нам. Думаю, он бы нам их не отдал, если бы мы не настояли на своем. Потом мы узнали, что за ним уже шла такая слава. На этом концерте была съемка. Нас потом категорически вырезали: все наши номера, все наши подводки, шутки. В телевизионной версии осталось только сухое объявление итальянцев и никакого «Квартета».

Приходим. Киевский вокзал. Палатка. Просто маленькая палатка какая-то коммерческая – грузинская забегаловка на три стола, сидят две женщины и говорят: «Давайте, показывайте!» Мы не поняли: «В смысле?!» – «Ну, давайте-давайте! Вы

покажете нам номера, а мы подумаем, будете вы у нас выступать или нет». Мы отработали всю программу перед этими женщинами. Они посмотрели, сказали: «Ну, ничего. Приходите в следующий раз, мы тогда вам и заплатим». У нас было такое разочарование!..

А однажды на одном из корпоративе нас с Камилем побили. Компания умудрилась за полчаса напиться в хлам, и начались вдруг какие-то драки, разборки. Мы с Камилем решили с этого выступления потихонечку уходить, потому что продолжать его было бессмысленно. Получив свои деньги, мы попытались пройти по лестнице вниз, где полным ходом шла драка. Проходя мимо, я получил то ли по голове, то ли в ухо. Я вдруг так завелся и заорал: «Да как вы можете трогать артиста?! Артиста, который работает для вас своим лицом и для которого важен речевой аппарат?! Как вы смеете бить его по лицу?!» И в этот момент на меня с лестницы упал начальник всей этой компании в совершенно невменяемом состоянии. Камиль утащил меня на улицу, а там продолжалась драка. Все это охраняла милиция. Мы потом бегали с милиционерами, пытались всех этих дерущихся разнять и привести в чувство. А я еще умудрялся вмазать кому-нибудь и, с удовольствием поколачивая дерущихся, помогал милиционерам.

Но мы – откуда только у нас появился этот гонор – категорически отказались выступать в носках, объяснив, что ботинки – это часть нашего костюма. В результате отработали нашу программу на кухне в своей обуви, получили деньги и уехали.

В другой раз во время концерта какая-то женщина из зрительниц разбежалась и плюхнулась в огромный праздничный торт.

Еще помню, как мы вели свадьбу. Вдруг посередине празднования к нам подходит какой-то человек и говорит: «Вы знаете, ребята, давайте-ка вы не шутите». Мы обалдели: «Почему?» – «Папа не любит». Мы удивились, но попытались войти в положение: «Хорошо, не будем шутить». Слава взял гитару, у нас было подготовлено несколько песен. Но не успели мы спеть, как к нам опять подходит этот человек: «Вы знаете, ребята, петь тоже не надо. Папа не любит». Мы совсем уж растерялись, и вышли из себя: «Знаете, раз папа не любит, тогда сами и ведите программу!» К тому времени на сцену вышли «Иванушки International», а мы дальше просто объявляли

артистов.

Один раз нас привезли выступать на Рублевскую дачу и потребовали снять обувь, объяснив, что у них ковры стоят дороже нас всех, вместе взятых.

Как-то нас позвали выступить в Питере. Мы приехали. Вел большой вечер Дмитрий Нагиев, тогда еще не настолько популярный, как сейчас. Кроме нас там было много известных артистов – Владимир Винокур, Игорь Корнелюк. За столами сидят люди, которые совершенно не смотрят на то, что происходит на сцене. Нагиев спрашивает нас: «Сколько длится ваша программа? Часа два потянете?» Мы отвечаем: «Да, конечно, потянем!» Через какое-то время он снова к нам подходит: «А часочек? Наверное, придется сократить». – «Ну, час так час». Через какое-то время снова он: «Знаете, ребят, давайте так: полчасика, и все». Нас зовут на сцену, выходит Леша Агранович, объявляет, что вот сейчас новый комический театр «Квартет И» представит свою программу, и откроет он ее своим «Первым музыкальным номером», посвященным женщинам. А в зале – вообще никакой реакции. Мы выходим, поем свой номер, и где-то к его финалу Нагиев из-за кулис начинает нам махать, типа: «Хорош!» Мы откланялись и ушли. Но заплатили нам как за полное выступление.

Папа жениха заказал праздник, вбухал огромную кучу денег, но почему-то не очень любил все, что происходило на сцене.

А однажды Славин папа организовал нам поездку на «Юморину» в Одессу. Мы ехали на поезде вместе с Михаилом Жванецким, Романом Карцевым, Юрием Ростом – потрясающим фотографом и рассказчиком. Роман Карцев вдруг пришел к нам в купе и начал рассказывать какие-то анекдоты и истории. Мы хохотали до слез. А потом узнали, что он на нас обкатывал свою программу.

Много было всякого – и смешного, и грустного, и неожиданного. Мы проходили огонь и воду и из вчерашних студентов постепенно превращались в настоящих артистов.

«Квартет» и футбол

Известно о театрально-футбольных баталиях середины 80-х. Тогда Армен Джигарханян, как главный тренер, выводил на поле команду Театра имени Маяковского, в ней играл мой земляк Саша Фатюшин, которого уже нет, а за «Ленком» выступали ушедшие от нас Саша Абдулов, Николай Караченцов, Олег Янковский. Когда команда шла в атаку, музыканты «Рок-Ателье» играли «Авось!» Рыбникова.

Накануне 60-летия Дома актера звукорежиссер Боря Кивилевич предложил нам возродить эту традицию.

В 1996 году мы организовали и провели первый ежегодный турнир по театральному мини-футболу за кубок Центрального дома актера. С 1996-го по 2006 год мы провели 10 таких турниров, два из которых мы выиграли.

В первом турнире принимало участие 8 команд, во втором – 16, а дальше – уже 34. Подавались заявки заранее от каждого театра. В основном команда по мини-футболу должна была состоять из актеров, но можно было взять еще двух не артистов, тех, кто причастен к театру, – монтировщиков или техников сцены, звукорежиссеров. Мы следили, чтобы театры не приглашали со стороны серьезных игроков – мы их вычисляли

и отсеивали, чтобы это был честный турнир. Я помню, как Женя Дворжецкий, которого тоже уже нет с нами, бегал по кромке поля, охрипшим голосом кричал и заводил команду РАМТа (Российского академического молодежного театра). Сам он не выходил играть, объяснял это тем, что его выпускают только при счете 10:0, то есть когда уже ничего испортить невозможно. На свои деньги он купил форму на всю команду. Меня с ним свела судьба в Доме актера, я тогда снимался в фильме «Максимилиан» Романа Качанова, который потом снял популярный «ДМБ». «Максимилиан», к сожалению, никакой популярности не имел, но я там сыграл главную роль вместе с Эммануилом Гедеоновичем Виторганом, и я предложил Роману Качанову взять на одну из ролей (на роль террориста) Женю Дворжецкого. Это практически был чуть ли не последний фильм, после которого Женя погиб в автомобильной катастрофе.

Турнир длился три дня. Это был настоящий футбол, с настоящими футбольными страстями и травмами. По итогам, конечно, награждения – лучший бомбардир, лучший вратарь, лучший игрок… даже лучшие болельщики.

У каждой команды был свой наставник. Если когда-то Джигарханян выводил команду театра Маяковского, то у нас команду Малого театра выводил Валерий Баринов, Театра Петра Фоменко – Евгений Каменькович.

Мы как-то в финале отобрали победу у «Сатирикона» с разницей всего в один мяч. На вручении кубка специально прилетевшая для этого из Екатеринбурга группа «Чайф» пела: «Какая боль, какая боль! «Квартет И» – «Сатирикон» – 1:0».

По пути от «Штампов» к «Радио»

В ней рассказывается о том, как мы обошли пятьдесят банков и нашли три миллиона рублей

В учебном театре ГИТИСа мы играли спектакль «Это только штампы», а потом придумали спектакль «Ля комедия, или Мы будем развлекать вас всеми средствами, которые хороши».

Дальше, в 98-м году мы переехали во Дворец культуры им. Зуева на Лесную, 18.

Тогда мы уже познакомились с театром «Ученая обезьяна», который к тому времени практически распался. Мы попросили их собраться, и они какое-то время играли на Лесной свой спектакль «Город мышей». Но потом все равно разбежались, остались только Эдик Радзюкевич и Саша Жигалкин.

Мы пригласили Эдика стать режиссером нашего третьего спектакля «Ля комедия-2, или Совсем другая история с элементами большого искусства» – у нас всегда были очень длинные названия спектаклей и фильмов.

Еще мы пригласили Максима Гудкина быть музыкальным руководителем, и он распел с нами порядка 20 популярных музыкальных произведений. Мы пели «Богемскую рапсодию», «Частицу черта»… Слава, Леша и Сережа очень хорошо поработали над текстами. Мы все это пели и одновременно танцевали. Прямо на сцене вторым этажом сидел живой оркестр.

В основе этого спектакля лежала «Соломенная шляпка» Ля Биша.

Костюмов у нас поначалу не было. В «Штампах» мы выходили в своей одежде – у кого что было. А потом мы с Сережей пошли на Тверскую и купили четыре майки фирмы «Орифлейм». Четыре пары брюк сшила первая жена Сережи Петрейкова, Катя, и у всех были белые брючки и разноцветные майки. Я был в красной майке, Слава был в зеленой, Леша – в желтой, а Камиль – в синей. У Славы были белые подтяжки и бейсболка, у Леши были бейсболка и галстук, Камиль был в зеленой кепке, а у меня были кепка и два белых шарика на веревочке – два таких бомбончика.

Я был всегда посыльным к Коровину – мы делились с мастером частью наших гонораров. С трудом я засовывал какие-то бумажки ему в карман, он отказывался, но потом все же брал их…

В ДК им. Зуева на Лесной к нам потихоньку пошла публика. Я помню, как мы заработали наш первый миллион. Пятьсот тысяч поделили на пятерых, а пятьсот тысяч пустили на театр. Потом

уже «починили» туалеты в ДК им. Зуева, оформили фасад, вывесили афиши, отремонтировали зал, гардероб, появился буфет.

Я помню, как договорился с сетью магазинов «М-видео», которые открывались в разных районах города Москвы, и мы зимой, пододев под эти майки все, что только можно было пододеть, на морозе, вчетвером, выпив немного коньячку, зазывали всех в магазины «М-видео» и показывали блок своих номеров. Потом проходило какое-то время, народ расходился, собирался новый, и мы опять выходили и показывали блок номеров.

Нам много кто помогал. Расскажу только о двоих.

Один из наших поклонников, Алексей Алексеевич Скрынников, был главным бухгалтером «Метростроя» и дружил с Сережей Петрейковым. Он нам помогал – давал нам репетировать наш спектакль «Актерские игры» в конференц-зале «Метростроя». А еще он состоял в билетной «мафии». Это была особая история. Ты, например, покупал пять билетов в Большой театр и мог их обменять на три билета на Таганку или в «Сатирикон». В этой билетной «мафии» и состоял Алексей Алексеевич Скрынников. Он ходил на все наши спектакли и до сих пор на них ходит.

Другим нашим поклонником был Михаил Шишханов, президент Бин-банка, который дал 10 тысяч долларов, когда мы переезжали в ДК им. Зуева. Через год Слава вернул ему долг, а Мика сказал: «Слушай, я всегда даю в долг, у меня очень много просят, но практически никто не отдает. Ты один из первых, кто сумму, которую я тебе дал, принес вовремя – ровно через год». Он взял эту пачку денег, разделил ее на две половины, одну пачку взял себе, а другую отдал нам на театр за то, что вернули деньги вовремя.

Сколько было корпоративов в 90-е – не сосчитать! И это очень закалило наш дух и наши профессиональные качества. Работать в 90-е было очень сложно, публика бывала разная. Многие артисты гнушались тогда вести корпоративы. Но мы корпоративами и свадьбами зарабатывали себе деньги на жизнь и на театр, приобретая огромный опыт.

Этот опыт дал нам возможность выжить, а самое главное – он

закалил нас как эстрадных артистов. Постоянно работая, мы завоевывали публику, современного зрителя: в учебном театре ГИТИСа, в Доме актера, на улице, открывая магазины, на Дне города в сборной программе, в студенческом театре МГУ, в кабаре «Синие ночи», которые вели Валдис Пельш и Алексей Кортнев.

А главное, мы закалились и в неудачах. Например, после прихода к нам на спектакль Саши Любимова мы уже мечтали, что все у нас будет отлично, завтра уже придет слава! Любимов сулил нам, что мы через два месяца будем ездить на «Вольво», потому что передача «Политкабаре» порвет всех. Но этого не случилось.

И так продолжалось 12 лет.

И, конечно, сейчас, с высоты своего возраста, я думаю, как мы это все на себе вытащили.

Помню, Иосиф Райхельгауз позволил нам у себя в театре на Трубной сыграть спектакли «Это только штампы» и «Ля комедия-1», и мы тащили неподъемную лестницу, которая была частью декорации одного из спектаклей. Ее нужно было перетащить из учебного театра ГИТИСа в театр на Трубной, и мы сначала попытались это сделать, но потом заказали какую-то машину. Когда Райхельгауз увидел, как мы тащим эту лестницу на себе на его сцену, он сказал: «Да! Вот это я понимаю! Это настоящий театр!» В этом было столько преданности, столько желания, сил и энергии, и, конечно, если бы нам кто-нибудь сказал: «Только через 12 лет, потаскав декорации, погладив костюмы, повыступав перед заключенными, на улице или перед интеллигентной публикой Дома актера, вы станете популярными», никто из нас не поверил бы.

Премьера «Дня радио» состоялась 24 марта 2001 года. И все думали, что это спектакль не «Квартета И», а группы «Несчастный случай». Группа «Несчастный случай» была значительно популярнее нас. И только потом, когда народ повалил на этот спектакль, все стали говорить: «А чего это за ребятки там бегают», – то есть бренд «Дня радио» был популярнее бренда театра «Квартет И». И только уже потом, через два-три сезона, люди начали понимать, что есть «Квартет И». Ну, а потом вышел фильм «День выборов», и началась наша киношная история.

Мы хотели сразу, сейчас, ну, еще год, ну, полгода… И вот, год-полгода вылились в 12 лет пути нашего театра к успеху, к спектаклю «День радио», к первому миллиону рублей.

Еще вспоминаю, как мы красили декорации. Сережа жил

на улице Герцена, и мы притащили какие-то огромные ширмы и с Камилем и Лешей красили их в белый цвет на лестнице этого дома. Потом перетащили их в ГИТИС. И там они уже хранились и были частью нашего спектакля.

В офисе у одноклассника Леши и Славы Димы Лейбмана мы напечатали на ксероксе афиши – четыре наши фотографии и надпись: «Запомните эти лица». Мы их расклеивали на Арбате – там как раз шел ремонт, все было в лесах и деревянных конструкциях. Нам казалось, что если мы расклеим эти афиши, нас запомнят и мы сразу станем популярными. Мы их клеили, а за нами тут же шли бабушки, которые сдирали эти афиши. Я помню, как я ходил со Славой, тоже напечатав у Димы Лейбмана в его конторе маленькие афишки с моим телефоном, потому что телефон был только у меня в Беляево, в квартире, которую я снимал, когда закончил институт, типа – пишите, звоните, приходите на спектакли, приглашайте нас на концерты. Я помню, как мне звонили и говорили: «Что это за жидовские морды? Прекратите бросать в наши ящики всякий хлам и всякий мусор».

Мы со Славой обошли порядка 50 банков. Но повезло нам только один раз, когда мы зашли в Московский индустриальный банк. Охранник сразу же погнал нас прочь: «Вон отсюда!» А по коридору как раз проходила женщина, президент банка Валентина Михайловна Борисова. Она сказала: «Пропустите их!» Мы со Славой зашли, отмороженные, и сказали: «Вот, у нас молодой театр, нам нужны деньги». – «Сколько?» – «Сколько дадите». Она нам дала три миллиона рублей. Так, обойдя 50 банков, мы вдруг нашли три миллиона рублей.

«День Радио»

В ней рассказывается о том, как можно играть спектакль восемнадцать лет

Миша Козырев позвал нас на свою радиостанцию «Наше радио», и с этого момента начался большой новый этап нашей творческой жизни.

Миша был музыкально очень образован, хоть и учился на врача. Он открыл много молодых групп и создал интересную, самобытную радиостанцию, которая очень быстро взлетела и попала в пятерку самых лучших радиостанций в России. Это он придумал грандиозный ежегодный рок-фестиваль «Нашествие», «Чартову дюжину», а мы заполнили сетку вещания своим юмором. Так появились наши рубрики – мы их сами писали и озвучивали. Например, «Кругом – наши», радиосериал «Негодяи», «Утренние шизгарики», «Недостоверные новости», «Конюх Федоров», в которой мы с Камилем на двоих рассказывали о всяких безумных путешествиях Федора Конюхова.

Все это потом привело к рождению спектакля «День радио», после которого начался успех «Квартета И».

Сережа Петрейков придумал идею – сделать спектакль про один день радиостанции, когда в течение этого одного дня на радио идет марафон. Всех персонажей мы уже знали – они есть на каждой радиостанции, и все радийщики нам потом говорили, что мы очень точно всех показали – показали работу изнутри. Леша, Слава и Сережа придумали пьесу. Леша Кортнев специально написал порядка 15 новых песен. Он понял, что с нами можно иметь дело, когда пришел на наш третий спектакль «Ля комедия-2», который ему очень понравился.

После выхода в 2001 году спектакля «День радио» началась наша успешная театральная история, потому что к нам пошла публика. Спектакль довольно быстро стал культовым.

К соединительному союзу «И» присоединились Миша Козырев, Нонна Гришаева, Дмитрий Марьянов, Максим Виторган, Михаил Полицеймако, Ксения Энтелис, Ольга Кузина и Анастасия Сапожникова.

«День радио» мы играем до сих пор – вот уже 18 лет.

ДЕНЬ РАДИО
26 10 13

«День Выборов»

В ней рассказывается о том, как первый ком не застрял в горле у публики и она его с удовольствием проглотила

2003 год, 12–13 ноября – премьера спектакля «День выборов». Понятно, что на волне успеха «Дня радио», который был оглушительным и после которого к нам пошла публика, естественно, возникло желание этот успех повторить.

Было опасение, что вторая часть, как это почти всегда бывает, может оказаться хуже первой. Но в итоге она оказалась, на наш взгляд, даже лучше.

«День выборов» – это самая масштабная наша постановка: 13 актеров, 8 музыкантов, были сделаны 2 этажа декораций – корабль в разрезе. Спектакль шел три с половиной часа. Это был наш самый длинный спектакль с антрактом.

Это продолжение нашей истории о сотрудниках «Как бы радио» – история переносится из студии радиостанции на просторы некоей «Поволжской губернии». В этой предвыборной кампании, в этой вакханалии участвуют казаки, трансвеститы, бандиты, артисты областного драмтеатра, военные, сотрудники ликеро-водочного завода, священнослужитель, массажист.

Леша Кортнев и группа «Несчастный случай» снова выступили нашими соавторами. Они написали порядка десяти первоклассных стилизаций под блатную песню, под казачью, под хоровую, под лживо-задушевную песню из сериала, под псевдопатриотический рок – псевдорок а-ля «Любэ» – практически получился музыкальный портрет эпохи.

> **Все это было доведено до полного абсурда. И, кстати, несколько политиков, с которыми мы консультировались, заявили в один голос, что именно так все и бывает на самом деле.**

В «Дне радио» была пародийная радиореклама, которой веселили зрителей, а в «Дне выборов» мы заменили эту рекламу на самых настоящих телеведущих, и с экранов в этой предвыборной гонке вещали Владимир Познер, Леонид Парфенов, Владимир Кара-Мурза, Юлия Бордовских, Валерия Новодворская, Николай Сванидзе и другие. Все они комментировали перипетии губернаторской кампании, в которую мы вступили в спектакле «День выборов», потому что был кандидат, которого нужно было сделать губернатором.

Как всегда, буква «И» стала связующей, и в новой работе к нам присоединились новые артисты. Валерий Баринов, Александр Пашутин, Григорий Мартиросян – они сыграли роли генералов, Елена Шевченко сыграла любовницу Эммануила Гедеоновича, Федя Добронравов и Алексей Макаров справились с ролями бандитов, Екатерина Стриженова тоже, как и Елена Шевченко (в дубле), играла любовницу Эммануила Гедеоновича, а Алексей Хардиков сыграл роль священнослужителя, которого потом блистательно сыграл в фильме Михаил Ефремов. Роль кандидатов в губернаторы играли Василий Уткин, Валдис Пельш и Александр Цекало.

Мы, конечно же, очень хотели свои спектакли экранизировать. Слава, Леша и Сережа почему-то хотели сначала экранизировать спектакль «Быстрее, чем кролики» – он им казался наиболее кинематографичным. Но вдруг появился бизнесмен Николай Ульянов, и вопрос решился сам собой. Николай не дал нам долго размышлять, а дал деньги на экранизацию спектакля «День выборов», причем поставил условие, чтобы все это было снято к ближайшим реальным выборам.

У нас было очень мало времени, поэтому мы стали судорожно искать режиссеров. С кем мы только не вели переговоры: от Аллы Суриковой и Павла Лунгина до Тиграна Кеосаяна и Димы Иосифова, который в детстве играл Буратино, а потом вырос и стал режиссером. Этот «кастинг» выиграл Олег Фомин – он единственный согласился на подготовительный период в три месяца и съемочный период в полтора, что было нереально мало.

Фильм «День выборов» ребята (Леша, Слава, Сережа) не очень любили, они считали, что не все было сделано так, как они хотели, что мы не перенесли все, что было в спектакле, на экран – из-за того, что было мало времени, из-за того, что мы были в определенных рамках, которые диктовали нам сделать это все быстро, а когда быстро – это не всегда хорошо. Но что я могу сказать про фильм «День выборов», который на самом деле собрал не очень много денег, но потом разошелся на кассетах, и до сих пор его показывают по телевизору?

Фильм, на мой взгляд, получился. Зритель, публика, если говорить о наших киношных историях, чаще всего отмечают «День выборов», который они пересматривают по многу раз семьями, в самолетах, то есть это такая наша визитная карточка. И довольны мы или не довольны, но он живет уже своей жизнью и принес нам, безусловно, еще более широкую популярность, гораздо большую, чем спектакли. Спектакли – это 600 человек в зале, и даже любая регулярность исполнения этих спектаклей

не несет такого охвата публики, как фильм, который посмотрело огромное количество людей, и не только посмотрело, но и несколько раз пересмотрело. Я, может быть, не имею права сравнивать наши фильмы с нетленными комедиями Гайдая, но все же мы немного приблизились к этому великому мастеру комедии. Наши фильмы разошлись на цитаты, их смотрят до сих пор, на них выросло целое поколение, и образы, сыгранные нами на экране, как Трус, Балбес и Бывалый, пошли в народ.

Этот вот бардак, который существует в сценарии, – этот бардак предвыборной гонки совпал с бардаком неподготовленности, этой спешки, когда нужно было за три месяца подготовить весь этот съемочный процесс, за полтора месяца его снять, да еще без артистов некоторых из спектакля.

И, как порой говорят, «первый блин комом» – он действительно был комом, но этот ком не застрял в горле у зрителя, у публики – она его с удовольствием проглотила.

«Быстрее, чем кролики»

…но не меньше двух часов

Интерес к театру «Квартет И» возрастал. Мы практически каждый год поднимали цены на билеты, за что нас ругали зрители. Но еще раз повторюсь: мы всего добились сами, без всяких дотаций и помощи государства, поэтому имели право зарабатывать на своем творчестве, что удается не каждому театру.

Конечно, можно было бы продолжать в том же духе и долго еще эксплуатировать темы и образы «Дня радио» и «Дня выборов» с уже полюбившимися всем героями – пьющим техником Камилем, суетливым подхалимом Сашей, голубоватым новостийщиком Лешей, ленивым креативным мачо Славой, но наши авторы Леша Барац, Слава Хаит и Сергей Петрейков перешагнули определенный рубеж, набрав свой драматургический вес, и придумали спектакль «Быстрее, чем кролики».

17 и 18 ноября 2005 года состоялась премьера.

«Быстрее, чем кролики» – это спектакль, в котором мы попробовали всерьез задуматься о смысле жизни и о смысле смерти, что почти одно и то же. Леша Кортнев сказал, что у нас получился самый смешной спектакль о смерти.

Действо получилось странное, разнообразное – у нас там и мультики, и комиксы, и компьютерные игры, и фрагменты телепрограмм, отрывки из неснятых фильмов. Все это, кстати, снимал Дима Дьяченко, который потом стал режиссером наших фильмов.

В спектакле звучала музыка группы «Агата Кристи», тогда уже распавшейся, удивительно атмосферная и передающая все оттенки страха, паники, отчаяния, – в общем, пронзительная и красивая.

Я сыграл трансвестита, Камиль – милиционера, Игорь Золотовицкий в этом спектакле играет главную роль. Буква «И» снова сработала, и к нам присоединились Нонна Гришаева, Игорь Золотовицкий, Елена Подкаминская, Григорий Данцигер и Петр Смола.

Спектакль был принят неоднозначно, какая-то часть публики вообще ничего не понимала, кто-то, наоборот, вовлекся в это действо и считал, что это наша лучшая театральная постановка. Мы даже сначала играли этот спектакль на маленький зал, боясь,

что его не поймут. Но зрители все равно пришли и нас поддержали.

«Разговор мужчин среднего возраста»

…о женщинах, кино и алюминиевых вилках

Спектакль «Разговор мужчин среднего возраста» вышел 14 мая 2008 года.

Мы думали, что это будет такой маленький, камерный спектакль, на четверых – спектакль для себя и для какого-то количества рефлексирующих сорокалетних интеллигентов. Но вдруг оказалось, что таких людей очень много! Этот спектакль до сих пор смотрят. 11 лет – это долгая жизнь для театрального спектакля, тем более камерного.

Четверо мужчин около сорока говорят об отношениях с женщинами, о неудовлетворенных амбициях, об изменах, о только что закончившемся детстве, о приближающейся старости. И, похоже, каждому из присутствующих в зале есть что добавить в эту бесконечную череду историй о взаимных мужских и женских подлостях, о кривой женской логике и о фальши в жизни и в искусстве. Главное художественное достижение спектакля – это то, что мы нашли какой-то способ передать наши мысли напрямую, не облекая их в какие-то аллюзии, аллегории и прочую дребедень.

Мы часто выезжаем на гастроли в Питер, в Екатеринбург и в другие крупные и не очень города; в Минске, когда три тысячи человек смотрят на сцену, где играют всего четыре артиста, – это круто, такая, знаете ли, аналогия с рок-концертом, только без инструментов.

> **Некий рок-квартет, говорящий не музыкальным, а театральным языком. Говорим с публикой о том, что близко нам и нашему зрителю.**

Спектакль идет до сих пор с большим успехом. В финале на сцене начинает идти снег, которого вроде как не должно быть, а мы уезжаем на большой платформе, а потом идем через этот снег к зрителям на поклоны. Это, конечно, невероятное ощущение, мурашки бегут по спине, мы все чувствуем в этот момент полное единение и между собой, и с залом.

Нам 15 лет

В ней рассказывается о письме, которое обязательно дойдет

7 ноября 2008 года – еще один юбилей театра «Квартет И». Не успели мы отметить 10-летие, как уже нам исполнилось 15 лет. Знающие люди предупредили, что 20-летие наступит вообще с минуты на минуту, поскольку театр, как известно, живет всего 20 лет, как утверждали Станиславский и Немирович-Данченко.

Поздравить нас пришли Григорий Сиятвинда, Гоша Куценко, которые вместе со Славой Хаитом исполнили песню всех лысых артистов «не Куценко». Своими песнями нас поздравлял Святослав Вакарчук и группа «Океан Эльзы». Конечно же, выступили Александр Жигалкин и Эдуард Радзюкевич.

Все это происходило в Театре эстрады, где художественным руководителем был Геннадий Викторович Хазанов. Он любезно предоставил нам площадку и, кстати, предстал в образе баснописца Крылова и прочитал басню про «Квартет» – прекрасную басню, очень смешную, заставив зрителей буквально кататься по полу. Александр Градский спел «Оглянись, незнакомый прохожий». Нас приехал поздравить даже Тото Кутуньо.

У нас был грандиозный юбилей с невероятным составом поздравляющих нас, который бы не состоялся без помощи Михаила Шишханова. Завершал вечер Горан Брегович со своим «Свадебно-похоронным оркестром».

В этот день мы, наконец, произнесли слова, которые благодарный ученик должен говорить своему учителю. К сожалению, мы пришли к этому слишком поздно, уже после смерти нашего мастера. Но мы написали ему письмо – руководителю нашего курса, Владимиру Сергеевичу Коровину – и прочитали это письмо со сцены. Как сказал Леша, вдруг дойдет…

Вот это письмо:

Дорогой Владимир Сергеевич!

Есть такое клише – «их свела Судьба» или там: «рука Судьбы». Так вот, в нашем случае судьба ни при чем – это была ваша рука. Вы ею, наверное, галочки какие-то поставили против наших фамилий, и нас приняли на Ваш курс – из очень большого числа желавших. А разглядеть что-то в нас тогда… было довольно сложно.

Потом к Вам было интересно ходить на мастерство актера. Мы многие занятия пропускали, а кое на чем ни разу не были –

например, Слава на танцах… или на сцендвижении, которое вел, как ни странно, Виктор Шендерович…

Так вот к вам мы ходили всегда – это же было удовольствие! А кому придет в голову прогуливать свидание с симпатичной девушкой? Или поход в кино?

Первые года два каждый из нас подсчитывал, сколько раз за занятие Вы на него посмотрели. Старался сказать что-нибудь умное, чтобы привлечь ваше внимание… Представляю, сколько глупостей мы из-за этого наговорили…

Из общения с Вами стало понятно, что артист может быть нормальным человеком. Например, на мастерстве Вы могли ползанятия проговорить с нами о политике – было же начало девяностых, тогда, слава богу, было о чем поговорить. И, возможно, эти разговоры помогли нам в профессии не меньше, чем освоение этюдного метода, которым мы, кстати, до сих пор пользуемся.

А как же было важно, что Вы любили футбол и разбирались в нем! И поэтому было трогательно… и даже смешно… когда нам сказали, что Вашими последними словами было: «Как наши сыграли?»

А еще мы помним, как перед самым первым экзаменом по мастерству Вы произнесли ключевое слово. За три минуты до выхода на сцену Вы собрали нас и сказали: «Побезответственней». Это навсегда определило способ нашего существования на сцене… с одной оговоркой: это слово надо произносить за три минуты до выхода, не раньше.

Спасибо, что Вам хватило сил не обидеться, когда мы начали работать сами, без Вас… вернее, не так… Конечно, Вы обиделись, и даже очень обиделись… но Вам хватило сил, несмотря на это, искренне радоваться нашим успехам и помогать нам каждый раз, когда мы об этом просили. А ведь тяжело радоваться чужому успеху… особенно если он только что был твоим…

Как любому близкому человеку, мы недодали Вам любви и внимания. И этим письмом мы тоже, конечно, ничего не компенсируем… но не написать его мы не могли.

Да, кстати… Владимир Сергеевич, наши выиграли.

«О чем говорят мужчины»

В ней рассказывается о том, почему мы другие

Итак, спектакль «Разговор мужчин среднего возраста», вышедший в 2008 году 14 мая, с успехом идет на сцене ДК им. Зуева. А мы продолжаем свою киноисторию и решаем снять фильм по мотивам спектакля «Разговор мужчин среднего возраста».

Придумали название «О чем говорят мужчины».

Я недавно прочитал статью Валерия Хаита, Славиного папы.

В этой статье папа Славы сравнивает нас, что нам очень лестно, с Романом Карцевым и Виктором Ильченко, которые тоже были другими. И при огромной любви зрителей, полных и постоянных аншлагах – ни одной премии, ни одной большой статьи. «Исследования» за что-то сильно обиженного на нас Гришковца я в расчет не беру.

Раньше мы очень переживали по этому поводу, а сейчас это все уже смешно.

Мы, как сказали Семен Альтов и Вадим Жук, друзья Валерия Хаита, мы просто другие. И сейчас меня эта формулировка очень греет, потому что «другие» – это те, кто не похожи на тех, кого можно отнести к какому-то жанру, кого можно отнести к какой-то группе. Мы тоже группа, но мы другая группа, группа сама по себе, существующая уже много лет и с большим успехом.

> **Он написал, что «Квартет И» – это какой-то другой театр. Мы вроде бы театр – и не театр, эстрадники, клоуны – а вроде бы и не эстрадники. Мы не попадаем в принятые форматы, мы другие.**

Мы всегда всеми способами хотели смешить людей и разговаривать с ними на одном языке, заставляя их задумываться. И нам это удается.

Тут есть еще важный аспект – театр «Квартет И» всегда сочетал в себе и творчество, и бизнес.

Может быть, кого-то это может расстроить: ну как же так – они не только занимаются творчеством, они еще денег хотят! Да, хотим. И это нормально абсолютно. Мы всеми способами хотим высказаться. Наши способы высказывания – это и театр, и кино, и ведение корпоративов, и съемки в рекламе, и музыка, и поэзия… В общем, стремление к успеху, на мой взгляд, это не только служение чистому искусству, но и сочетание его

с материальным благополучием. Мне кажется дурацкой расхожая фраза «талант должен быть голодным». Почему? «Ты должен не сытым выходить на сцену» – это я понимаю. А быть голодным и служить искусству? Это полная глупость. Мы работаем и зарабатываем. И даже к съемкам в рекламе относимся очень избирательно, потому что чувствуем ответственность за все, что делаем. Лицемерить и говорить, что деньги нас не интересуют, я не стану. Это всегда неправда, когда так говорят.

Фильм «О чем говорят мужчины» вышел в прокат 4 марта 2010 года, режиссером был Дмитрий Дьяченко. Этот фильм собрал 13 миллионов долларов. Когда мы были у Федора Бондарчука в его передаче о кино, он не смог сдержать удивления, спросив: «Господи, откуда вы вылезли? Как вы появились? Как вы вообще смогли добиться такого успеха, плохо разбираясь в кино, в киноиндустрии?»

Нам повезло с фильмом «О чем говорят мужчины»: он имел очень хорошее сарафанное радио, и мы не только собрали большие деньги, но и получили после проката уже настоящую популярность.

Фильм разошелся на цитаты. В нем собрался блестящий ансамбль – Константин Чапурин, Нонна Гришаева, Артем Смола, Алексей Агранович, Елена Подкаминская, к великому горю для нас, ушедшая Жанна Фриске. Сцена с Костей Чапуриным, когда она приходит к нему с кипятильником, была очень трогательной и смешной, а сейчас она смотрится еще и с большой болью.

До сих пор, когда я пишу что-то в «Фейсбуке» или в «Инстаграме» или когда меня узнают на улице, мне часто говорят: «Вот поэтому я и не женюсь» или «И канистры нет».

Так вот снимать кино для нас было еще одной ступенью к успеху и заработку. Естественно, кино приносит гораздо больше денег, чем спектакли.

Фильм имел для нас грандиозный успех. Мы экранизировали спектакль, мы получили своего зрителя, который ждал продолжения и который проголосовал своим рублем за наш фильм. Как раз с этим фильмом произошло то, о чем я говорил: сочетание творчества и бизнеса.

После выхода этого фильма мы уже абсолютно четко стали медийными персонажами, то есть вошли хоть в какой-то пул, будучи другими, но уж точно популярными.

Дальше в кино

Собрав фильмом «О чем говорят мужчины» 13 миллионов долларов, естественно, через какое-то время мы выпускаем второй фильм – «О чем еще говорят мужчины». И собираем 20 миллионов долларов.

Первый и второй фильмы постоянно сравнивают. Но второй тоже разошелся на цитаты и был принят публикой очень хорошо.

Окрыленные этим успехом, наши продюсеры Леша Барац, Слава Хаит и Сережа Петрейков начинают экранизацию нашего самого театрального спектакля «Быстрее, чем кролики», который успешно шел на сцене ДК им. Зуева.

Главную роль там играл Игорь Яковлевич Золотовицкий. Он выпустил несколько актерских курсов во МХАТе, стал директором Дома актера и заместителем худрука ефремовского МХАТа Сергея Женовача. Многие из тех, кого он учил, добились больших успехов в кино и театре.

Фильм был снят Дмитрием Дьяченко, но, скажу честно: Дмитрий Дьяченко уже не хотел быть просто режиссером фильмов театра «Квартет И», потому что любой фильм, который выпускался, все-таки считался фильмом театра «Квартет И», а не фильмом, который снял режиссер Дмитрий Дьяченко. И это, безусловно, его обижало. Я думаю, фильм «Быстрее, чем кролики» он снимал, уже одной ногой находясь в процессе съемок, а другой ногой – находясь в процессе собственного творческого полета, который потом с успехом был реализован в сериале «Кухня» и в других, уже полностью его собственных проектах. Это обычная история, когда творческой единице, будь он актер или режиссер, не хватает формулировки «это сделал я».

Сейчас прокатами на телевидении и в интернете фильм собирает все же долю, не меньшую, чем все другие наши фильмы. Но в кинотеатрах по факту был провал.

Фильмом «Быстрее, чем кролики» публика была разочарована.

Дальше была определенная пауза. Мы выпустили фильм «День выборов-2». Прошло уже 8 лет, выросло новое поколение зрителей, не все уже понимали, о чем в фильме идет речь. Да и вообще, тема выборов всем надоела. Поэтому даже участие в фильме Леши Кортнева, Нонны Гришаевой, Алексея Макарова, Михаила Ефремова и других прекрасных актеров не сыграло на успех.

Дальше наши пути с Дмитрием Дьяченко разошлись, а с этим фильмом мы провалились. Тут было много факторов, все сыграло свою роль, И отношение режиссера к работе, и неудачный выход фильма зимой, в то время, когда конкуренция невероятная: в тот год выходили и «Ронины», и «Елки», и «Любовь в большом городе». Не нужно было зимой, когда люди приходят в кино с попкорном и разными напитками, чтобы просто

получить удовольствие, выпускать черную комедию с гробами, серьезным смыслом и, главное, смертью главного героя в финале.

Мы с коммерческой точки зрения, вложив свои театральные деньги, вернули их назад, зафиксировав еще один кинопроект в истории развития нашего театра «Квартет И», не удивив опять публику, которая росла с нами, развивалась, любила нас и ожидала от нас чего-то большего.

Дальше мы долго думали, что делать, как вернуть доверие зрителя, который от нас не то чтобы отвернулся, но ожидал продолжения, чего-то интересного и необычного.

В 2018 году вышел третий фильм про мужчин – «О чем говорят мужчины. Продолжение». Режиссером была Флюза Фархшатова.

С ним мы все-таки попали в нашу публику, вернули ее.

«О чем говорят мужчины. Продолжение» – это питерско-московская история. Камиль предлагает нам поехать в путешествие, мы соглашаемся и едем. Самая важная мысль этого фильма – надо дать шанс счастью. Потому что жизнь проходит, проходит быстро, и нужно ловить мгновения радости, нужно разрешить себе, дать шанс быть счастливым.

Очень часто бывает так с творческими людьми – ты зафиксировался в глазах, сердцах и умах публики, а потом перестал их удивлять, потому что постоянно удивлять очень сложно.

В этом фильме, мне кажется, мы друг друга снова нашли, мы снова стали искренними, мы снова стали вспоминать, с чего все начиналось, мы снова стали стараться дружить, ведь за все эти годы, как правильно выразилась моя жена Маргарита, мы превратились в пять пальцев одной руки.

В феврале 2019 года вышел фильм «Громкая связь». Адаптация итальянского фильма Паоло Дженовезе «Идеальные незнакомцы» была продана более чем в 15 стран. Продюсером русской версии стал Рубен Дишдишян, а режиссером – Алексей Нужный, режиссер, умеющий создавать в каждом фильме особую атмосферу. Алексей постарался показать нас совсем другими, дав нам роли на сопротивление. И в этом фильме к «Квартету И» присоединились и Маша Миронова, и Настя Уколова, и Ира Горбачева. Фильм, на наш взгляд, получился. Он собрал хорошую кассу и имел успех. Ребята уже даже пишут продолжение.

Для нас самым важным в этой работе стало то, что мы вышли

за рамки своих привычных образов. Это еще раз говорит, что мы растем как творческие единицы, которые могут работать с разным материалом.

Помимо спектаклей, фильмов, мы делаем совместные проекты. Например, со спектаклем «Письма и песни» с группой «Би-2» мы собрали БКЗ в Питере (3500 человек) и «Крокус» (6000 человек) в Москве.

Я был в Туле со своим сольным творческим вечером, и перед концертом заехал к школьникам в рамках некой программы, куда меня пригласили, и час-полтора разговаривал с ними. Мне задавали достаточно интересные вопросы, но у меня был главный посыл: существует пример «Квартета И», и вы, молодые, тоже можете создать что-то свое, выбрать свой путь и делать то, что вам интересно, то, что вам хочется, как это сделали мы, создав театр, веря в свое дело. Со своими амбициями, молодостью, энергией, преодолением разных препятствий мы пришли к тому, что сейчас из себя представляем.

7 ноября 2018 года нам исполнилось 25 лет. На сцене «Крокуса» мы сыграли юбилейный спектакль «Письма и песни». Ребята написали текст именно к юбилею, с нами на сцене были Александр Борисович Градский, у которого за два или три дня до этого родился сын, группа «Чайф», группа «Машина времени» в полном составе. Зал был полон.

Мы выбрали путь, с которого уже не свернуть, занимаемся своим делом, тем, что мы умеем.

Конечно, всегда есть у любого художника опасность исписаться, стать неинтересным, начать повторяться. Не знаю, что ждет нас, но знаю, что мы продолжаем работать. И «Квартет И» – это все-таки, на мой взгляд, достаточно широкая творческая амплитуда.

Я думаю, мы можем гордиться, что эти пять пальцев, которые смогли пройти огонь, воду и медные трубы, не разругались по поводу денег, женщин, личных амбиций, все это преодолели, не распались и дожили до такого творческого возраста.

Вместо заключения

В ней рассказывается о том, что наша история еще продолжается

Когда-то давно, еще в учебном театре ГИТИСа мы придумали смешную штуку – 100-летие «Квартета». Это был 95-й год, 22 октября, мой день рождения – мне исполнялось 25 лет, и нам всем вчетвером исполнялось 100.

Сегодня нам на четверых – под 200. И можно сказать, что «Квартету» – 100, потому что каждый из нас внес свои 25 лет в его историю.

Мне кажется, это очень вдохновляющая история – мы своим примером показали, что четверо провинциалов, приехавших после школы покорять Москву, могут добиться успеха. Наш театр сегодня известен и любим, наши фильмы показывают по всем каналам, нас очень тепло встречает публика в других городах, и всего этого мы добились своими силами – нашей энергией, молодостью и талантом. Мы просто очень верили в себя и в свое дело.

Многое в книгу не вошло. Есть еще море историй. Я упомянул не всех людей, с которыми нас свела судьба и которые имели отношение к нашему театру. Значит, будет повод еще раз встретиться с вами, дорогие читатели, рассказать вам что-то еще из истории нашего «Квартета» – истории, которая продолжается…

Для тех, кто дочитал эту книгу до конца, еще несколько историй о «Квартете И».

* * *

Мы привыкли смеяться и смешить людей. И даже история создания нашего театра иногда становится шуткой. Например, в Википедии написано, что «Квартет» был создан двумя молодыми парнями из Одессы Ростиславом Хаитом и Леонидом Барацем, которые в 1992 году, приехав из Одессы в Москву, встретили уже известного в то время оператора Александра Демидова, снявшего такой популярный фильм, как «Медвежья охота». Действительно, есть такой фильм. Вышел в 2007 году. Не имею к нему никакого отношения, и как оператор его точно никогда не снимал. Да никогда и оператором-то не был. Я был режиссером и сценаристом клипов, даже продюсером. Но не оператором точно.

И вот на 15-летие «Квартета И», которое праздновалось в Театре эстрады в 2008 году, Геннадий Викторович Хазанов, руководитель театра и прекрасный артист, поздравил нас басней. Геннадий Викторович любил появляться на разных юбилеях в образах разных персонажей. Нас он решил поздравить в образе баснописца Крылова. И из этой басни следует, что действительно Слава с Лешей придумали театр, а потом они уже позвали в этот театр Камиля, и только потом уже в довесок взяли меня. В моей книге все совершенно по-другому, в ней как раз нет художественного вымысла, а есть факты, хоть и литературно обработанные.

* * *

Перед каждым спектаклем Камиль разогревается. Ему надо прийти в некое творческое боевое состояние. В гримерке он начинает рассказывать истории, подшучивать над нами, кривляться. Кое-что мы слышим уже 30 лет подряд, и все равно всегда смешно. Иногда он просто вбрасывает какие-то слова, и уже все смеются. Например, что такое «ыэппопия», знает только Камиль. Или он может смешно натягивая штанину, щелкнуть ногами и отчеканить: «Александрийского столпа!» И все хохочут. Или иногда он показывает какого-то знакомого из Волгограда, который говорил: «Студент прохладной жизни! Ну, что тебе дать – леща или кувалдочки?» Этот вопрос, «леща или кувалдочки?», преследует нас везде во всех гримерках.

* * *

Слава в свое время сказал, что никто так не может рассмешить каждого из нас, как каждый из нас четверых. В этом тоже проявляется и долголетие нашей дружбы, и привязанность друг к другу, это то, что нас держит. И по этому поводу вспоминается несколько историй.

Наш первый музыкальный номер, состоящий из песен с женскими именами, был нашей визитной карточкой, и мы начинали с него каждое выступление, каждый наш корпоратив. И вот как-то, помню, 8 Марта мы должны поздравлять ветеранов ОМОНа. Выступление должно быть перед женщинами, видимо, перед пожилыми ветеранами. И мы за кулисами понимаем, что в зале из ветеранов ОМОНа сидят три бабушки, причем бабушки из отделения ВОХР – три бабушки-вахтерши. Что они могли защищать? Ну, наверное, когда-то они могли быть защитницами. И мы выбегаем, а в зале сидят милиционеры, тогда еще в синей форме, просто омоновцы, причем, по лицам далеко не ветераны, а из ветеранов, имеющих отношение к Международному женскому дню – вот эти вот три бабули. И каждый из нас солирует какую-то песню, а остальные трое ему подтанцовывают или подпевают. И всегда есть некий люфт: когда кто-то поет, а трое танцуют, мы успеваем перекидываться какими-то фразами втихаря. Скажем, поет Слава, а мы с Лешей и Камилем «напеваем»: «Ля-ля, ля-ля, ля-ля, нифига себе, женщин-то как много», – подзуживаем мы друг друга. Или кто-то другой поет, а остальные опять: «Ух ты, женщин-то сколько в зале – целых три бабки сидят!» И вот так мы поем одну песню за другой в этих люфтах, прыгая на заднем фоне солирующего, шутим и пытаемся себя как-то подзавести. Звучат слова: «Рита, Рита, Маргарита», «Маруся, раз-два-три», «Сюзанна, Сюзанна», «Как много девушек хороших…», «Иветта, Лизетта, Мюзетта», – ситуация сама по себе анекдотическая. «Как много девушек хороших,/ Как много ласковых имен,/ И лишь одно из них тревожит,/ Унося покой и сон, когда влюблен», – и мы это все в зал, а там эти три бабушки в первом ряду, две из которых уже уснули, подтверждая, что они действительно ветераны, а остальные ребята достаточно незрелого возраста с удивлением смотрят на нас, и все это скорее похоже на День милиции или на 23 Февраля, но никак не на Международный женский день. И вот мы друг друга так подзуживаем: «Вот, в зале три бабульки». – «Да, как они внимательно смотрят!» – «Ой, вообще можно обхохотаться!» – «Сейчас «Риту, Риту» буду петь для тех, в первом ряду – как им понравится!» И в какой-то момент мы уже заканчиваем номер (а заканчиваем мы песней, которую пел Андрей Миронов в «Соломенной шляпке»: «Иветта, Лизетта, Мюзетта, Жаннетта, Жоржетта… Клянусь, до конца моя песня не

спета…»), – и в этот момент Камиль делает так: «И-го-го!» – по-тихому, но мы-то все это слышим. Это Камиль решил в конце номера еще больше подзадорить нас, хотя мы настолько уже друг друга подзадорили в этих музыкальных паузах, что это стало последней каплей. Камиль, заржавший лошадкой, и его «и-го-го» нас убило.

Когда Камиль проигогокал, Леша сразу сложился пополам: он ухохотался так, что сразу решил поклониться. Он поклонился, а петь нам еще нужно было минуты полторы, и заканчивалось все общим «у-у-у», после которого мы делали поклон. И вот до этого «у-у-у» – поклонившийся Леша, и после этого Камиль, который всех и рассмешил, хлопает в ладоши и тоже издает истерический смех, обозначающий «ни фига себе – я пошутил», и ржет в голос, и тоже выключается из завершения номера. Слава стойко держится: у него краснеет шея, но он продолжает петь. Камиль уже хлопнул в ладоши, Леша поклонился, а я просто отворачиваюсь назад – у меня дрожит спина. Не думаю, что крупные ребята-омоновцы понимали драматургию номера в виде захохотавшего игогокнувшего Камиля, поклонившегося Леши, поющего с красными жилами и с красной шеей Славы и стоящего с дрожащей спиной меня.

* * *

Надо сказать, что расколов много было, есть и будет еще, наверное, в нашей жизни, но вот про еще один расскажу, где все мы себя проявили так же, то есть Слава продемонстрировал свою стойкость, а Леша, Камиль и я повели себя примерно так же, как в истории с ветеранами ОМОНа.

Сережа Шустицкий нас привел в Дом актера к Люсе Черновской в молодежную секцию, и Маргарита Александровна Эскина давала нам возможность репетировать в комнатках Дома актера и даже встречаться там по поводу разных проектов. И вот некий телевизионный проект нам предложил Сережа Шустицкий. Он назывался «Алло! Алло!» Концепция заключалась в том, что надо было придумать какой-то скетч, а люди потом писали варианты ответов или звонили, угадывая, правда это или неправда. И была встреча Сережи Шустицкого с нами в одной из комнат Дома актера, куда он привел режиссера Женю. Он привел его и говорит: «Вот это Женя. Он будет режиссировать эту передачу», – и начинает нам объяснять, как это все будет происходить. И потом дает слово Жене. Мы с Женей были не очень знакомы и не знали, что он заикается. Женя после рассказа

Сережи Шустицкого поворачивается к нам и говорит: «Это с-с-с-с-с-с…» – и заикается с длительной задержкой. И вот он довольно долго произносил это «с-с-с-с-с», и тут Камиль первый, как с «и-го-го», хлопнул в ладоши и, сдавливая смех, просто выбежал из комнаты. Леша Барац (а Женя уже секунд тридцать пытается сказать это первое слово) опять сложился, поклонился в стол. Остались мы со Славой: Камиль убежал, а Леша выпал из общего разговора. Тут Женя произнес: «С-с-с-к-е-летик». А Сережа, видимо, знал, что Женя заикается, и спрашивает: «Женя, какой скелетик?» – и он так спросил, глядя на Женю как на дурачка, мол, что за ерунда; я же рассказал видение программы – какой скелетик? После этого я просто отвернулся к окну, и меня начало трясти так же, как в случае с ветеранами ОМОНа.

Я вижу, что Леша выбегает из аудитории, а я трясусь и тоже через какое-то время выбегаю. Надо отдать Славе должное: он, опять покраснев, хотя ему ничего не нужно было допевать, дослушивал Женю, глядя ему в глаза, сдерживая вибрации организма.

Женя имел в виду, что то, что рассказал до этого Сережа Шустицкий, это был скелетик программы, концепция, составляющая, и хотел подытожить все, вышесказанное Сережей.

Дальше помню, что мы заходили в аудиторию, отхохотавшись за ее пределами, но потом все же опять выбегали из нее, потому что снова видели Женю.

* * *

Когда я рос в Рязани маленьким мальчиком, я не понимал, что есть евреи, есть татары. Это потом уже, поступив в ГИТИС, где курс был многонациональным, когда мы создали театр, я понял, что моя судьба на тридцать лет оказалась связана с тремя евреями и татарином.

У нас была соседка, ее звали бабушка Хэлла. Мы жили в доме гостиничного типа: на первом этаже коридор, а со второго этажа отсеки, в каждом по шесть комнат. Комнаты были порядка двенадцати метров, и мы в одной из таких жили: я, две сестрички мои и папа с мамой, впятером, без горячей воды, душ был через дорогу в общежитии. Так вот бабушка Хэлла мне помогала подтягивать английский язык. И мама мне как-то сказала, что она еврейка. Ну, еврейка и еврейка. А потом я, как-то возвращаясь из школы, увидел на двери, ведущей в наш отсек, такое объявление: «Уважаемые жильцы! Убедительная просьба плотнее закрывать за собой дверь – сильное зловоние снизу». Я так удивился, потому

что, во-первых, в доме этом жили очень простые люди, которые постоянно ругались, были драки, дебоши, а тут – «уважаемые жильцы». И «зловоние» я тоже не понимал, потом уже понял, что это имеет отношение к запаху. Написала это бабушка Хэлла, которая не могла написать: «Закрывайте дверь, козлы! Воняет очень с лестницы».

Потом я уже поступил в институт на наш многонациональный курс и вспомнил бабушку Хэллу, «уважаемых соседей» и «сильное зловоние снизу».

* * *

Драматическая история моего ухода из театра «Квартет И».

Мы возвращались откуда-то все вместе. А в те молодые годы эмоции играли, и мы могли очень сильно поругаться. И я что-то говорю, спорю, и в какой-то момент Сережа Петрейков (он у нас вспыльчивый человек, с очень часто резко меняющимся настроением) меня обозвал очень обидным словом, таким обидным, что я просто вспылил: «Ах так? Тогда я ухожу из театра!»

Все подумали, что Саша тоже вспыльчивый, эмоциональный, и все забудется. Но я продолжил гнуть свою линию. Я, кстати, единственный, кто несколько раз уходил из театра, хлопал дверью серьезно; никто не позволял себе никогда такого. Нас пригласили от Дома актера на открытие ресторана «Санта Фе» (он был очень долгие годы популярным местом, находился на Краснопресненской, недалеко от Центра международной торговли). Он открылся, и мы туда пришли по приглашению. Я с ребятами не разговариваю. И они спрашивают: «Саша, ты серьезно решил уйти из театра?» – «Да, я серьезно решил уйти из театра», – а сам не обращаю на них внимания, выпиваю. И, изрядно выпив, ребята решили со мной поговорить, причем Сережи, основного зачинщика этого конфликта, не было, и он так передо мной потом и не извинился. Но дело не в этом, а в том, что меня стали все уговаривать, убеждать: Леша мне начал аргументировать, что вот он сейчас получает грин-карту в Америке, и он уедет в Америку тогда и будет там жить, а он не хочет туда уезжать, хотя его папа уже очень настойчиво готовится к отъезду; Камиль говорил, что он будет работать с какими-то номерами один, а тут такое дело – театр, мы же его придумали… В общем, у каждого был свой аргумент, и они меня как-то уговорили. Тут еще сказалось спиртное, которое, в данном случае, размягчало меня, а не подливало масла в огонь.

Если бы они меня не уговаривали, а сказали: «Ну и уходи из театра. Мы будем делать его дальше», – то, как в той басне, которую читал про нас Геннадий Викторович Хазанов в костюме баснописца Крылова, была бы уже другая басня, и театр был бы без меня. Или, наоборот, как раз бы после этого все и закончилось, потому что ребята понимали, видимо, что без меня ничего не получится. Как и без каждого из нас.

* * *

Живя в общежитии с Камилем, мы иногда проходили по этажам, когда все студенты засыпали, собирали пустые бутылки и набирали где-то мешка по два. У нас на Таганке располагался эстрадный факультет вместе с факультетом балетмейстеров и факультетом музыкального театра, а напротив был прием стеклопосуды. Собранных бутылок на четырех этажах общежития нам хватало с Камилем, чтобы доехать за три рубля до Таганки с этими двумя мешками собранной посуды (тогда бутылки еще принимали, и бутылка стоила двадцать копеек), сдать их, получить рублей десять, а то и пятнадцать. Вычитая трешку и разделив эту сумму на двоих, можно было получить пятую часть стипендии, потом купить себе и по три литра пива, и сигарет. Собирать бутылки нам было жутко стыдно, особенно если кто-нибудь замечал, поэтому мы дожидались глубокой ночи.

* * *

Что для меня Москва?

Мои родители развелись, когда мне было года три, и папа в семь лет увез меня из Свердловска. Детство мое прошло, в городе Шадринске Курганской области, в поселке Калиново под Свердловском (потом Екатеринбургом). Я первый раз увидел Москву, когда мы с папой ехали из Свердловска в Рязань. Тогда мы пробегали Москву из аэропорта на вокзал и дальше уже в Рязань. Помню, как папа бежал на электричку, я подобрал какую-то монетку, а он схватил меня за руку и потащил дальше. Вот первое впечатление о Москве – такой детский пробег и монетка.

Дальше с Москвой ассоциировались рязанские «колбасные» электрички, когда, получив зарплату, люди толпами ехали в Москву, чтобы купить продукты. Помню, папа с мамой мне привозили ацидофильные сырки, фанту, колу в маленьких бутылочках.

Московское мороженое тоже отличалось, и даже не потому, что в детстве все вкуснее. Оно отличалось от рязанского точно, хотя мы и в Рязани любили после школы с моим другом Олегом, особо не стремясь домой, еще поболтать и купить мороженое. В Москве оно было какое-то особенное. Около Валдайского гастронома. Оно было в хрустящих стаканчиках. В общем, Москва манила своим вкусом, своими запахами, монетками, манила тем, чего не было в моем родном городе. Мороженое «Бородино» мы покупали на вокзале. Сейчас это какой-то маргарин и жир, а тогда это было вкуснейшее мороженое.

* * *

Мы возвращаемся как-то домой с Лешей в общежитие. Засиделись в какой-то компании, выпили. Вышли, а тогда поймать такси было очень сложно. И мы просто остановили какой-то «КамАЗ». Ночь, долго никто не останавливался, а тут «КамАЗ». И я залез туда и заснул. И вдруг Леша меня будит: «Саша, Саша, вставай», – выпившего человека, который только что уснул студенческим сном (недосып был постоянный), мертвецким сном… А Леша меня будит: «Саша, выходи, приехали!» Мы приехали к общежитию, и я открываю дверь и выхожу. Я уже забыл, что садился в «КамАЗ», а это почти двухэтажная машина, и вышел я из «КамАЗа» как из легковой машины и упал в снег.

* * *

Как-то мы вели во Дворце молодежи концерт. К нам подходят какие-то люди кавказской национальности и говорят: «Сейчас представьте, пожалуйста, Гришу». Во Дворце молодежи был сборный концерт. И мы объявляем: «А сейчас на этой сцене – Григорий Лепсис». Потом мы узнали, что он Григорий Лепскверидзе. Потом он стал Лепсом. Потом был клип «Натали». И вот Григорий Лепсис, он же Григорий Лепскверидзе, он же Григорий Лепс, которого мы объявили, и это было одно из его первых выступлений в Москве. Потом он нам помог заработать самые шальные деньги в нашей жизни. Мы с ним никогда особо не пересекались, но жизнь свела с человеком, которого мы когда-то объявили, а сейчас он входит в топ самых зарабатываемых певцов нашей страны.

* * *

И была ночь. Мы снимались с Квартетом на вокзале, недалеко от нашей общаги на Трифоновской, где прошла наша молодость… снимались ночью. Фонари были задекорированы инеем, на перроне стояла нарядная елка, по сюжету мы отстали от поезда и бежали за ним, так и не догнав. Поезд ушёл и остались мы, уставшие от вечного бега, суеты и проблем. Мы ждали перестановки на следующий дубль, и было время, чтобы просто поговорить, пожаловаться, подурачиться, как мы это умеем, но делаем все реже и реже…

Я люблю такие пустоты, когда мозг вырубается, все упрощается, и ты становишься тем, кто ты есть, без всей этой шелухи и налёта, которыми мы закрываемся от людей.

Я рад, что у меня такие друзья, мои половинки, которые, как конструктор «Лего» можно собирать и собирать, детали, без которых ты неполноценен. Я ценю эти моменты даже не любви и дружбы, а просто присутствия.

Мотор! И мы снова бежим за поездом, обливаемые искусственным снегом, каждый за своим поездом и в тоже время за одним и тем же, пытаясь запрыгнуть на подножку последнего вагона и успеть в поезд продолжения своей жизни, которая обязательно продолжится, потому что мы вместе!!!

Любил я Лафонтена. Знайте!
Им часто пользовался я,
Воруйте, но не подражайте.
Мораль у каждого своя:
И сколько про ворону и лисицу ни писали,
Коль нет кусочка сыра – нет морали.

А вы, друзья, насмейтесь, нашутитесь
И, при любых режимах, не садитесь.

Собственно басня:

От басен человечество мудрее…
А значит – басня! Как-то два еврея,
Хаит с Барацем, сидя тет-а-тет,
Задумали создать квартет.
Сначала дело шло довольно вяло.
Хоть и уютно было им вдвоем,
Но подозренье крепло с каждым днем,
Что двух евреев для квартета мало.
И чтоб задумка не ушла в утиль,
Они вскричали: «Кильманда, Камиль!»

Татарин сей – находка для квартета!
Из Лариных, что Пушкиным воспеты,
Пушкиноведы знают – предки Тани
Все поголовно родом из Казани.
Прапрадед их известный был эмир,
А звался, как и нынче, Минтимир.

Итак, татарин, два еврея – может, где-то
Такое трио лучше двух квартетов,
Но для России интернационал
Сей слишком мал!
Необходим для виду
Из русских кто-то…
Тут, как раз, Демидов
Привычно шел к ручью. Напиться.
И надо ж было так случиться –
Его голодный увидал Барац
И сразу комплиментом – бац!
«Как ты талантлив! В помыслах высок!
И ангельский должон быть голосок!
Да ты и внешне – чистый ангелок!»
Сказал, и в свой квартет мальчонку уволок.
Так русский человек в краю родном
Вдруг стал национальным меньшинством!
Его на службу выгоняют рано,
Пытают Торой, мучают Кораном.
Пятнадцать лет сей геноцид идет,
А Сашка слушает да пьет.

Ах, внешне не найти дружней семьи!
Поклонников не счесть «КВАРТЕТА И»!
А на гастролях под любым кустом
Всегда для них готов и стол, и дом.
И не подкрался к творчеству абзац!
Хаит, Демидов, Ларин и Барац –
Проект национальный, между прочим!
Мораль: ведь можем, если хочим!

Все знают: лесть гнусна, вредна,
А как тут проживешь без лести?
Хоть головой об стенку тресни,
Но жизнь для лести нам дана!
Конечно есть, которые не лгут…
Но их на юбилеи не зовут!

* * *

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ,
ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:
https://eksmo.ru/b2b/

Звоните по телефону:
+7 495 411-68-59, доб. 2261